

РАББИ ЙОССИ ГОЛЬДМАН

И В ПУТИ

«Гилель» и возрождение

НАРОД

еврейской жизни

МОИ

в бывшем СССР

Современная
иудаика

Йосси Гольдман
И в пути народ мой. «Гилель»
и возрождение еврейской
жизни в бывшем СССР
Серия ««Современная
западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68362069

*И в пути народ мой: «Гилель» и возрождение еврейской жизни в
бывшем СССР / Рабби Йосси Гольдман ; [пер. с англ. А. Глебовской]. :
Academic Studies Press / Библиороссика; Бостон / Санкт-Петербург;
2022*

ISBN 978-5-907532-05-2

Аннотация

Книга Йосси Гольдмана повествует об истории международного студенческого движения «Гилель» на просторах бывшего СССР. «Гилель» считается крупнейшей молодежной еврейской организацией в мире. Для не эмигрировавших евреев постсоветского пространства «Гилель» стал проводником в мир традиций и культуры еврейского народа. История российского

«Гилеля» началась в 1994 году в Москве, – и Йосси Гольдман пишет об этом со знанием дела, на правах очевидца, идеолога и организатора.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

10 лет, которые изменили мир	9
Строители	12
Краткая историческая справка	16
1. Зарождение	24
Тьма перед рассветом	24
Трехчасовое чтение – начало всего	27
Алия	30
Мозаика	32
Секретное задание	35
2. «Гилель»	41
Еврейский университет	41
Зеленый свет	43
Творя историю	46
Московский еврейский университет	53
Первые шаги и ошибки	55
Местные кадры	59
3. Начало	62
Первое празднование Рош-ха-Шаны	62
Свобода под угрозой	65
Первые программы	71
Еврейские лагеря	76
Зачем нужны друзья?	87
Создание попечительского совета	89

4. Скучать не приходится	93
Поездки по бывшему СССР	93
Традиции	97
5. Держись, Наполеон!	100
Киев	100
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Рабби Йосси Гольдман И в пути народ мой. «Гилель» и возрождение еврейской жизни в бывшем СССР

*Посвящается Джуди,
Моей эшет хаиль, спутнице жизни и истинной
любви*

Нашим замечательным детям:

Йонит и Эрецу

Эйялю и Рони

Ронену и Сиван

А вис ару и Лимор

Нашим изумительным внукам:

*Иден, Ярден, Иехеле, Арану, Нине, Рафаэлю,
Анне, Хили, Геффену, Каме*

И грядущим поколениям

Йосси Гольдман с семьей, декабрь 2021 года

Rabbi Yossie Goldman

Let My People Grow

Hillel and the Jewish Renaissance in the Former
Soviet Union

Gefen Publishing House

Jerusalem

2020

Перевод с английского Александры Глебовской

© Yossie Goldman, text, 2020

© Gefen Publishing House, 2020

© А. В. Глебовская, перевод с английского, 2021

© Academic Studies Press, 2022

© Оформление и макет, ООО «Библиороссика», 2022

10 лет, которые изменили мир

Очень часто, когда я говорю о работе, я, не задумываясь, до сих пор произношу: «Гилель». Бренд «Гилель» записался на моей подкорке, остался в моем подсознании, стал неотъемлемой частью моей жизни.

В 1990-е годы «Гилель», по словам одной из участниц первого гилелевского семинара в январе 1995 года, был «островком мира в стрессовой ситуации», местом, где люди могли почувствовать себя защищенными. Для многих это был серьезный момент самоидентификации с еврейством. Для тысяч студентов бывшего Советского Союза «Гилель» стал теплым и гостеприимным еврейским домом, а иудаизм стал частью их жизни.

В «Гилеле» было много возможностей для самовыражения и самореализации. При этом каждый студент мог не только что-то получить для себя, но и отдать другим, поделиться. Ребята ездили в регионы и приносили еврейские радости, смыслы и праздники в отдаленные общины, проводя пасхальные седеры, шаббаты, осенние праздники. Мы тогда как бы дорвались до запретного плода. Мы могли все: мы чувствовали, что можем изменить мир к лучшему, и мы делали это со всем энтузиазмом и любовью.

Мне вспоминается история, когда в середине 1990-х годов к нам в офис зашел человек и рассказал, что он приехал

из Якутска, где проработал несколько лет, а теперь возвращается домой. В Якутске была маленькая еврейская община, и некому было провести пасхальный седер. Наш гость, пожелавший остаться неизвестным, заплатил за поездку студентов, дал деньги на приобретение мацы и кошерного сока, для того чтобы в тот год в якутской общине был пасхальный седер.

И я благодарна судьбе за то, что когда-то встретила Йосси Гольдмана и Йонатана Пората. Эти 10 лет изменили мою жизнь и, хочется верить, жизни многих тысяч еврейских студентов и их семей. «Гилель» внес неоценимый вклад в возрождение еврейской жизни на территории бывшего Советского Союза. Спасибо вам, Йосси, за ваше видение и помощь в строительстве еврейского будущего для многих из нас!

Женя Михалева, директор-основатель «Гилеля» в Москве

Прежде всего, хочу сказать, что для меня, как основателя «Гилеля» в Киеве и Украине, большая честь быть участником событий, описанных в этой действительно исторической книге. Когда я впервые встретился с рабби Йосси Гольдманом более 25 лет назад и он поведал мне о своей идее создания «Гилеля» в СНГ, я подумал, что он большой фантазер и мечтатель. Но, к великому счастью для нас всех, он с огромным успехом воплотил свою большую мечту и сделал ее живым свидетельством и прекрасной реальностью. «Гилель» в СНГ повлиял и продолжает влиять на десятки тысяч

еврейских студентов и молодых людей в бывшем Советском Союзе. Многие мужчины и женщины, которые, возможно, никогда бы не встретили друг друга, познакомились в «Гилеле». «Гилель» кардинально изменил жизни большого количества людей, в том числе и мою. Студенты «Гилеля» в странах СНГ – и выпускники, и те, кто активен в «Гилеле» сейчас, – невероятно благодарны рабби Йосси Гольдману за его выдающийся труд и, конечно же, за то, что он открыл эту невероятную страницу еврейской истории всему миру.

Я уверен, что эта книга вызовет огромный интерес у молодежи.

Иосиф Аксельруд, региональный директор «Гилель»

Строители

В Иерусалимском Талмуде сказано: «Неблагодарный подобен еретику». Рав Стайплет в «Биркат Перец» пишет: когда мудрецы наши заявляют, что нельзя проявлять снисхождение к лишенному мудрости, они имеют в виду, что нельзя проявлять снисхождение к человеку, настолько лишенному здравого смысла, что он неспособен испытывать признательность. Эти вступительные слова я пишу, чтобы подчеркнуть, сколь многим я лично и движение «Гилель» в целом обязаны самым разным людям, без которых успех «Гилеля» в бывшем СССР оказался бы невозможным. Упомянуть стоило бы очень многих, и на последующих страницах я постараюсь воздать должное каждому. Однако особо среди этих людей выделяются те, чьими усилиями и самоотверженностью в первые десять лет нашей деятельности были заложены ее основы. Это – строители, создавшие организационную структуру «Гилеля», и без их помощи мы не смогли бы расти и развиваться. Я передаю им свой привет и выражаю свою благодарность, а также прошу прощения за то, что слов моих недостаточно, чтобы полностью воздать должное за неоценимый вклад в наше дело.

Одним из основных партнеров по нашей работе в странах бывшего СССР стал Американский еврейский распределительный комитет («Джойнт»). Рабби Джонатан Порат,

сотрудник «Джойнта», который отвечал за образовательные программы и работу со студентами, был моим ключевым соратником при создании «Гилеля» в бывшем СССР. Вклад Джонатана, его усилия, советы и дружбу трудно переоценить. Джонатан – настоящий герой еврейского народа, а кроме того, мой дорогой друг; свою профессиональную жизнь он почти полностью посвятил еврейству. Успех «Гилеля» в бывшем СССР и его вклад в возрождение еврейской жизни были бы невозможны без мудрости, наставничества и самоотверженности Пората. В первые шесть самых сложных лет создания и развития нашей организации не проходило и дня, чтобы мы с Джонатаном не созвонились или не встретились и не обсудили стоявшие перед нами задачи. История «Гилеля» в бывшем СССР напрямую связана с самоотверженной и богоугодной деятельностью Джонатана. Мало на свете людей, обладающих тем же масштабом личности, цельностью и целеустремленностью; участие, дружба и любовь Джонатана и по сей день осеняют собой еврейский народ, «Гилель» и меня лично.

Ричард Джоель, в 1989–2003 годах являвшийся президентом «Гилеля» и директором по международным программам, – выдающийся лидер, который превратил наше движение в работоспособную, активную организацию, способную серьезным образом изменять жизни людей. Блистательный мыслитель и стратег, он вложил весь пыл своей души в возрождение еврейской жизни в бывшем СССР, первым под-

держал нас и воодушевил. Годы деятельности Ричарда в «Гилеле» стали годами возникновения и становления организации в бывшем СССР. Его руководство и наставничество во многом способствовали нашему успеху.

С первых же дней нашей работы в бывшем СССР нам очень повезло с преданными своему делу сотрудниками на местах. Благодаря Жене Михалевой, Осик (Йосефу) Аксельруду и другим нашим коллегам мы смогли за эти годы внести весомый вклад в возрождение еврейской жизни в этой части света. Женя в Москве, а Осик в Киеве постоянно пестовали наше движение, в результате чего отделения «Гилеля» появились в 27 общинах бывшего СССР. С годами эти люди превратились в пример для подражания для тысяч молодых евреев и членов их семей. Нельзя не отметить их преданность своему делу, лидерские качества, трудолюбие.

Наши коллеги из России любят цитировать корифеев русской литературы. Хотя И. В. Сталина и не назовешь литератором, Осик часто повторял его слова: «Кадры решают все». Сталин был отвратительной личностью и ненавидел евреев, однако в одном оказался прав: надежные сотрудники – залог успеха любого предприятия.

За первые два десятилетия нашей деятельности двое наших иерусалимских сотрудников внесли неоценимый вклад в развитие «Гилеля» в бывшем СССР. Им было поручено разработать, спланировать и внедрить систему просветительской работы, которая обусловила особые свойства «Ги-

лея» в бывшем СССР и одновременно стала откликом на потребности всей новорожденной еврейской общины, постепенно нащупывавшей свое место в еврейском мире. Рабби Давид Эбстайн, выпускник Еврейской теологической семинарии, и рабби доктор Нахум Амсель, выпускник Йешива-университета, перебрались в Израиль после многих лет деятельности на посту раввинов в США. Оба подарили студентам из бывшего СССР свое рвение, глубокие познания и музыкальные таланты. Где бы они ни оказывались, они сразу принимались учить студентов думать, петь, танцевать, праздновать по-еврейски.

Кто-то когда-то сказал, что многие изучают историю, некоторые пишут про историю, но творить историю суждено лишь избранным.

Для меня было *зехутом*, особой привилегией сотрудничать с такими выдающимися людьми и вместе с ними строить будущее нашего народа в бывшем СССР.

Краткая историческая справка

На территории, известной сегодня как «бывший СССР», евреи с давних времен подвергались гонениям и преследованиям, что, впрочем, уравнивается столь же долгой историей их достижений и триумфов. История деятельности «Гилеля» в бывшем СССР – микрокосм этой их истории.

Притом что на первый взгляд в 1994 году «Гилель» начал в Москве с нуля, на деле все зародилось гораздо раньше. Всю советскую эпоху зерна иудаизма лежали под спудом, однако, безусловно, сохранялись в почве и ждали подходящего момента, чтобы дать побеги и расцвести.

Откуда взялись эти зерна? И почему они столько лет не прорастали? Чтобы более или менее правильно оценить положение постсоветского еврейства, нужно обрисовать общую картину истории российских евреев в современную эпоху.

В период существования Российской империи евреи по большей части проживали в черте оседлости – на территории, куда входили часть Украины, Белоруссия, Молдавия, Литва и Польша. В российских городах евреев было немного.

К концу XIX века условия жизни российской бедноты сильно ухудшились, и широкое распространение получили революционные идеи. Жизнь была тяжелой, политическая

активность постепенно нарастала. 13 марта 1881 года революционеры-народовольцы убили императора Александра II. Как это часто бывает, козлами отпущения правительство назначило евреев, населению был дан сигнал свалить на них вину за беспорядки в стране. Пресса безнаказанно развернула антисемитскую кампанию. Накал страстей привел к погромам во многих больших и малых городах. К 1884 году погромы удалось остановить, однако к этому времени правительство успело внедрить систему дискриминации и уничтожения евреев. Законодательные акты, такие как Майские правила 1882 года, вводившие квоту на прием студентов-евреев в высшие учебные заведения, и изгнание евреев из Москвы в 1891 году стали для евреев красноречивыми напоминаниями о том, что они не являются полноправными членами российского общества. Глава Святейшего Синода (министерства по делам религий) выразил надежду, что «треть евреев обратится, треть эмигрирует, а остальные умрут от голода».

Гонения имели различные последствия. Одним из откликов на постоянную дискриминацию и неустроенность стала массовая эмиграция, прежде всего в США. С 1882 по 1914 год Россию покинуло около двух миллионов евреев. Впрочем, после такого солидного оттока еврейское население не уменьшилось – высокая рождаемость среди оставшихся компенсировала число уехавших.

Еще одной реакцией на усилившиеся гонения на еврей-

скую общину стало возрождение еврейского национализма. До того многие молодые евреи выбирали для себя путь ассимиляции, стремясь влиться в российское общество, однако их ошеломило то, что соседи внезапно начали применять против них насилие. Понимая, что ассимиляция не спасет их от общества, которое преследует их с таким упорством, многие решили не прятать свою еврейскую идентичность, а культивировать ее.

В то же время все большее влияние приобретали революционные партии – благодаря им брожение продолжалось по всей империи. В самом начале XX века, точно так же как и двадцатью годами раньше, после событий 1880-х годов, правительство, в попытках отвести от себя гнев народных масс, вновь дало прессе зеленый свет – пусть обвинит в политической нестабильности евреев. Первым результатом такого наускивания стал Кишиневский погром, случившийся на Песах 1903 года – сорок пять человек погибли, сотни пострадали, полторы тысячи еврейских домов и лавок были разграблены. Еврейская община отреагировала, в частности, созданием отрядов самообороны, членами которых стали по преимуществу активисты из сионистских или бундистских (социалистических) организаций.

В конце октября 1905 года император издал манифест, в котором обещал населению гражданские права, а также создание парламента (Думы). Население, включая и евреев, отреагировало восторженно, однако к началу ноября празднो-

вания переросли в новые погромы. Самый кровавый произошел в Одессе – погибло 300 человек, пострадавшие исчислялись тысячами. Всего погромами оказалось затронуто 64 населенных пункта, жизни лишились 800 евреев. Впоследствии было доказано, что памфлеты с призывами к погромам были напечатаны тайной полицией, а полиция и армия преступным образом самоустранились и не стали защищать евреев от нападающих.

Первая и вторая волны погромов, в 1880-е и в начале 1900-х годов, повлекли за собой национальное пробуждение российских евреев. Были созданы еврейские отряды самообороны, в качестве радикального решения многие выступали за эмиграцию, как в США – страну безграничных возможностей, так и в Эрец-Исраэль для воплощения сионистской мечты.

В советский период (1917–1991) на еврейские общины обрушились всевозможные беды. Официальной идеологией в СССР был атеизм, отправление религиозных обрядов считалось вредным, а порой и наказуемым. Ленин не считал нужным признавать евреев отдельной национальностью, Сталин указывал на отсутствие у них единого языка, территории и экономики, – это считалось основаниями для отказа в признании их самостоятельной национальностью. Сионистская деятельность находилась под запретом, религия тоже. Евреев считали «народом», а не национальностью, что принижало их статус и роль в экономике. Пометка «еврей» в паспор-

те появилась в 1932 году. На многие годы она стала волчьим билетом для своего обладателя.

Реорганизация экономики в 1920-е годы, в результате которой был полностью истреблен средний класс, превратила множество евреев в нищих. В попытке улучшить экономическое положение масс и удовлетворить чаяния националистов в 1934 году советское правительство объявило о создании на Дальнем Востоке Еврейской автономной области со столицей в Биробиджане и идишем как официальным языком. Но уже в 1936 году еврейское руководство Биробиджана было распущено, а еврейский характер области сведен практически к нулю.

С началом Второй мировой войны СССР и нацистская Германия подписали пакт о ненападении, однако в 1941 году Германия нарушила его и внезапно напала на СССР. Тут же началось истребление евреев. В СССР, в отличие от Западной Европы, нацисты не сдерживались, поскольку их не волновала реакция местного населения. Уничтожение евреев происходило стремительно. Создавались гетто, но они становились лишь временными пунктами содержания еврейской рабочей силы, которую впоследствии убивали. Зачастую массовые казни проходили прямо на окраинах больших и малых городов, например в Бабьем Яру под Киевом. Многих советских евреев депортировали в лагеря смерти в Польше. До войны на оккупированной немцами территории проживало четыре миллиона евреев. Из них погибло около трех

миллионов; из тех, кто попал под оккупацию, не выжил почти никто.

В годы Второй мировой войны процент бойцов-евреев, служивших в советской армии и погибших, был чрезвычайно высок. Еврейские общины Москвы и Ленинграда пострадали несильно, а вот украинские – особенно киевская – исчезли почти полностью. Сразу после войны Сталин возобновил свои усилия по уничтожению еврейской национальной жизни. Некоторые историки считают, что только смерть Сталина в 1953 году спасла евреев от крайне масштабных, фактически беспрецедентных преследований.

К 1960-м годам большинство советских евреев перебралось в большие города, особенно в РСФСР – в городах был выше уровень модернизации, больше возможностей для получения образования и для профессиональной самореализации. Еврейская культура и религия оставались в тени, хотя в страну тайно ввозили еврейские книги и предметы культа. Большинство евреев не имело доступа к этой контрабанде. Те, которые все-таки участвовали в еврейском движении, нередко становились отказниками: их преследовали, часто арестовывали, отказывали в праве покинуть страну.

К 1970-м годам евреи стали самой образованной нацией СССР. Еврейское население больших городов росло, усиливалось его участие в ключевых секторах экономики и культуры. Типичные советские евреи, представители среднего класса, все больше ассимилировались, уходили от еврейских

ценностей к ценностям и стилю жизни среднего класса.

В 1960-1970-е годы альтернативным способом реализации еврейского самосознания стала алия. Советские евреи предпочитали книги на иврите (официально им недоступные) и иврит, несмотря на советские представления о том, что еврейским этническим наследием является идиш. Идиш и Биробиджан считались «мертвяками», неспособными соперничать в притягательности с Израилем и не отвечающими потребностям этнического пробуждения высокообразованного и культурного советского еврейского населения. Сионизм представлялся альтернативой, свободной от советского наследия и привязки к государству.

В конце 1960-х годов советскому режиму пришлось бороться со стремлением евреев к эмиграции – сначала в Израиль, а потом в США. У государства не было продуманной политики относительно евреев, оно занималось манипуляторством, не заглядывая далеко вперед: с вопросами воссоединения семьи, активистами алии и индивидуальными заявлениями на выезд разбирались в индивидуальном порядке; речь не шла о работе с еврейским населением в целом.

К концу 1980-х годов религия стала важным инструментом проявления непокорства, особенно в среде отказников. Они пытались жить еврейской жизнью, отдельной от советского общества: создавали небольшие еврейские общины, пытались вести в них деятельность с помощью соотечественников с Запада. Религия представлялась им выразитель-

ным антикоммунистическим жестом, одним из способов заявить о своей оппозиции правительству и коммунистической идеологии. Однако после падения коммунизма религия быстро утратила привлекательность. Когда синагоги открылись официально, евреев, желающих их посетить, оказалось немного, – возможно, потому что теперь их посещение не воспринималось как акт неповиновения.

После краха СССР были восстановлены свобода слова, печати и вероисповедания. Однако до того евреев притесняли на протяжении жизни двух поколений, и теперь им почти нечего было выражать. И вообще, каково значение слова «еврей», записанного у них в паспортах? Как молодой еврей, житель бывшего СССР, мог вдохнуть в это слово жизнь, наполнить его личным смыслом?

1. Зарождение

Тьма перед рассветом

Погожим весенним утром 1988 года двадцатидвухлетняя студентка-отличница Московского государственного университета Женья Михалева пришла на встречу со своим научным руководителем. Эта встреча перевернула ее жизнь.

Женины родители были евреями, но она, как и большинство ее сверстников, выросла в светском русском окружении, ни разу в жизни не бывала в синагоге, не справляла еврейских праздников. Израиль значил для нее не больше, чем Индия. Еврейство для нее начиналось и заканчивалось словом «еврейка», записанным в ее документах. Официально она считалась еврейкой, сама же себя воспринимала как молодую русскую интеллигентку, будущего ученого.

Женья не сомневалась, что сможет поступить в аспирантуру. Она получила диплом с отличием и полагала, что научная карьера для нее гарантирована.

Планы ее разбились в то роковое утро, все ее мечты уничтожила холодная и суровая реальность советского антисемитизма. Научный руководитель сообщил Жене: с ее стороны наглость вообще подавать документы в аспирантуру. «Невозможно, – сказал он ей, – чтобы еврейка смогла полно-

стью оценить богатство и глубину русской литературы. Пушкин, Достоевский и другие великие русские писатели и поэты совершенно недоступны пониманию евреев, которые были и навсегда останутся здесь чужаками».

Женино заявление в аспирантуру не приняли. Университетское образование оказалось ей доступно лишь до определенного уровня. Ее научный руководитель сформулировал это так: «Вы должны ценить великодушные советской системы, которая и так дала вам незаслуженно много».

После того как потрясение уступило место гневу и негодованию, Женя стала искать логичные рациональные объяснения, но их не было. Поиски вывели ее на подпольную еврейскую программу в Москве – тут и зажглась первая искра ее возвращения к еврейству.

Семьдесят пять лет коммунистического правления подошли к концу. Советская империя разваливалась. Наконец-то открылись двери свободы. Сотни тысяч евреев собирали чемоданы, уезжали в Израиль и другие страны. Некоторые оставались – у каждого были на то свои личные причины. Считается, что на данный момент в бывших республиках Советского Союза проживает около двух миллионов евреев.

Исход продолжался, в страну хлынули всевозможные еврейские организации, чтобы посодействовать эмиграции тех евреев, которые решили уехать, и оказать социальную, религиозную и образовательную помощь тем, кто оставался. В основных центрах проживания евреев открывались воскрес-

ные школы и программы обучения для взрослых. Американский еврейский распределительный комитет («Джойнт») особенно активно оказывал вспомоществование бедным и пожилым.

В 1990-е годы Женин интерес к русской литературе уступил место интересу к еврейскому образованию. Она воспользовалась представившимися возможностями, овладела в совершенстве ивритом, принялась изучать еврейскую традицию и культуру. Благодаря педагогическим способностям, познаниям и интересу к еврейской жизни она вскоре добилась признания, ее пригласили на полугодовую учебную программу Мелтона в Педагогической школе Еврейского университета в Иерусалиме. По возвращении в Россию Женья получила предложение возглавить театральную студию недавно открывшегося Московского еврейского университета. Эти новые обязанности добавились к работе с детьми в воскресной школе.

Женья вернулась из Иерусалима в июне 1993 года, а в декабре мы с ней познакомились в Москве.

Трехчасовое чтение – начало всего

Сам я включился в борьбу советских евреев за свои права в начале 1970-х годов. На активные действия меня подвигло прочтение «Евреев молчания» Эли Визеля, где описывались трагические реалии жизни евреев в СССР. Редко случается, чтобы трехчасовое чтение навсегда изменило вашу жизнь. Визель описывает тысячи глаз евреев, которые он видел в СССР:

...на улицах и в гостиницах, в метро, концертных залах, в синагогах – особенно в синагогах. Они ждали меня, куда бы я ни пошел. Порой мне казалось, что вся страна состоит из одних глаз, будто они собрались туда со всех концов диаспоры, сошли с древних свитков отчаяния. <...> Еврейские глаза, в которых отражена странная неприкрытая реальность, за гранью времени, дальше самого далекого далека. <...> Наверное, такие глаза были у самого Бога. И Он тоже ждет воздаяния.

Память об этих глазах и о том, что они пытались сказать, осталась со мной – и мне захотелось по мере сил помочь своим братьям.

Я родился в Тель-Авиве, но после бар-мицвы переехал вместе с семьей в США. Мое мировоззрение, как и мировоззрение многих моих сверстников, сформировал холокост. Мой отец был одним из пятнадцати детей почтенной семьи

из Венгрии, его же отец был известным судьей раввинистического суда и одним из глав общины. В 1937 году отца призывали в венгерскую армию, где он подвергся таким жестоким антисемитским нападкам, что дезертировал и на первом подвернувшемся судне отплыл в Палестину. Именно это стечение обстоятельств его и спасло. Из всей его семьи холокост пережили только две сестры: одна еще до войны уехала из Европы – последовала за возлюбленным в Мексику, а еще одна уцелела в Освенциме; все остальные погибли. В Палестине отец встретил мою маму Белу, вскоре они поженились и вырастили троих детей: Энди, Рейчел и меня.

Не помню, чтобы дома у нас говорили о холокосте. О том же рассказывают и мои сверстники, выросшие в то время в домах родителей из Европы. О трагедии, унесшей жизни стольких родственников, речь заходила редко. Люди будто бы стыдились того, что уцелели. Но хотя разговоров и не велось, тема, видимо, витала в воздухе – первые мои воспоминания о ней относятся к раннему детству, когда я с азартом собирал марки. Мне подарили немецкие марки с портретами Адольфа Гитлера. Помню, с каким удовольствием я их сжег. Мне тогда было пять-шесть лет – видимо, рассказы о холокосте уже тогда произвели на меня сильное впечатление. «Пусть не повторится» навсегда стало моим девизом.

В студенческие годы и впоследствии, когда я стал молодым раввином, я научился применять тот же девиз – «Пусть не повторится» – к положению евреев в СССР. Мне не хоте-

лось, чтобы этих евреев постигла та же судьба, которая постигла их собратьев почти повсюду в Европе во времена их родителей.

В двадцать семь лет я, с девятнадцатью коллегами-раввинами, попал в полицейский участок Сан-Франциско. Мы приковали себя к воротам советского консульства, чтобы привлечь внимание всего мира к невыносимым условиям, в которых живут евреи в СССР. Мы выкрикивали: «Let my people go!»¹ – эти слова успели стать боевым кличем всех свободолюбивых людей по всему миру. Шел 1973 год, я проходил второй год обучения на раввина в Консервативной синагоге мозаичного закона в Сакраменто, штат Калифорния. Я был раввином-«активистом»: помимо служения занимался общественной работой и поддерживал Государство Израиль и угнетенных евреев. Большинство моих прихожан одобряли эту мою внеслужебную деятельность, но были и такие, кто открыто выражал свое неудовольствие. Но я продолжал этим заниматься все тринадцать лет, которые прожил в Сакраменто.

¹ Цитата из Книги Бытия (5:1) – слова Моисея, обращенные к фараону, с требованием отпустить евреев из Египта. В русском переводе – «отпусти народ мой».

Алия

С самого дня своего знакомства в «Раме», еврейском лагере в Массачусетсе, где можно было остановиться на ночь, мы с Джуди начали обсуждать наше общее желание переселиться в Израиль. Даже в приглашении на нашу свадьбу отразились наши сионистские устремления: мы с гордостью сообщали, что брак наш состоится 20 сентября 1970 года, то есть в четвертую годовщину воссоединения Иерусалима. Через два года мы перебрались в Сакраменто, где я занял пост раввина в Конгрегации мозаичного закона. Мы с Джуди рассчитывали, что за два года моего служения сможем скопить достаточно денег на то, чтобы потом начать жизнь в Израиле. Не скопили, но «достаточно» – это сколько? Помимо прочего, мы не приняли в расчет, что нас могут задержать семейные и иные дела. При всех наших добрых намерениях и самодисциплине, нам не удалось оперативно сняться с места и уехать в Израиль. Запланированные два года растянулись на тринадцать прекрасных, очень продуктивных лет, проведенных в Сакраменто. Когда в 1983 году члены совета синагоги завели со мной речь о пожизненном договоре, мы с Джуди решили: пора в дорогу. Мысль остаться в Сакраменто до самой пенсии выглядела соблазнительно, но нам хотелось осуществить свою мечту, и мы поняли, что пора переходить от слов к делу. С великой радостью, к которой при-

мешивался некоторый трепет, мы с Джуди, а с нами четверо наших детей, Йонит, Эйяль, Ронен и Ависар, совершили в июле 1985 года алию в Израиль. Теперь, через много лет, оглядываясь вспять, я понимаю, что переезд в Израиль стал правильным решением для нашей семьи, и хотя жизнь здесь порой и нелегка, мы не хотели бы жить ни в каком другом месте.

Мозаика

Каждое последующее событие – важное, судьбоносное (о них речь пойдет далее) – становилось кусочком мозаики, которая, складываясь, в итоге возродила мой интерес – некоторые называют его маниакальным – к деятельности на благо советских евреев. Все эти переживания так или иначе укрепили мою решимость найти способ поучаствовать в борьбе советских евреев, в их поисках свободы и возможности уехать из страны.

Слова Моисея, обращенные к фараону, властителю Египта, «Отпусти народ мой», стали кличем борьбы за права советских евреев; по созвучию с ними образовано и оригинальное заглавие этой книги.

Когда мы приехали в Израиль, было неясно, как мы будем кормить семью. Мы решили открыть свой бизнес – «Жилье в Израиле». Мы предлагали туристам, приезжавшим в нашу страну, недорогой ночлег, давая им координаты людей, у которых была свободная комната и которые хотели ее сдать. По счастью, я довольно скоро нашел работу в Еврейском университете – стал руководителем летних и специальных учебных программ, а бизнесом осталась руководить Джуди.

В феврале 1986 года я получил телеграмму от одной ирландской пары: они собирались приехать в Еврейский университет на летнюю программу, им нужно было снять жи-

лье в Иерусалиме. Я просмотрел газету «Джерусалим пост» и подыскал квартиру на эти даты. Позвонил туда, ответила женщина, говорившая с сильным венгерским акцентом. Я сообщил ей, что моя семья тоже из Венгрии. В конце разговора она задала мне, на первый взгляд, странный вопрос: «Вы – из Гольдманов? Ваша семья из Венгрии? Вы из коэнов (членов клана жрецов)?» Я спросил, почему ей это интересно, хотя прекрасно знал ответ. Она ответила: отец когда-то сказал ей, что, если ей встретится Гольдман из Венгрии и при этом коэн, это ее родственник. Я ей ответил: отец велел мне задавать при случае тот же самый вопрос. Клара Фридер сорок лет проработала кассиром в банке «Мизрахи», на ее пути встречалось много Гольдманов, но ни один не оказался членом *мишпохи*.

Дальше нам нужно было разобраться, в каком мы с ней родстве. Оказалось – дедушки наши были братьями. Их семья жила в городе под названием Кошице в Словакии, рядом с венгерской границей и городом моих предков Бодрогкерезтуром. Клара вспомнила, что перед войной у них гостила двоюродная сестра из Бодрогкерезтура. Она приехала познакомиться с братом, венгерским солдатом, служившим в тех краях. В доме у них она прожила два с лишним месяца, молодые женщины крепко подружились. Клара поинтересовалась, знал ли я эту родственницу – звали ее Адель.

Адель – моя тетка, она выжила в Освенциме, где погибла семья Клары. После войны Адель переехала в Лос-Андже-

лес, вырастила там прекрасных детей. Одна из двух ее дочерей, Джуди, совершила алию и теперь жила вместе с семьей в Тивоне, под Хайфой. Через несколько месяцев, когда Адель приехала в Израиль навестить дочь, двоюродные сестры встретились после полувековой разлуки.

Меня очень тронула эта история – обретение давно потерянной родственницы, почти чудесное воссоединение семьи, разлученной холокостом: напоминание о том, что в отдельной жизни каждого еврея случаются непредсказуемые повороты, взлеты и падения, но всем нам дан Богом дар помогать другим, определять и формировать будущее – и свое, и общее.

Секретное задание

Вскоре после нашего приезда в Израиль мне представилась возможность посетить СССР. В марте 1988 года мой друг и коллега рабби доктор Шауль Файнберг пригласил меня присоединиться к выполнению секретного задания в Москве, Ленинграде и Минске для тайной на тот момент организации «Лишкат ха-кешер» (Бюро по связям), более известной как «Натив», – она действовала под эгидой канцелярии премьер-министра. Под видом американского университетского преподавателя и бизнесмена, совершающих туристическую поездку по СССР, мы должны были ввезти в страну запрещенные просветительские материалы для евреев, установить контакты с еврейскими активистами, прочитывать перед небольшими аудиториями лекции о евреях и Израиле.

Началась поездка с перелета из Тель-Авива в Лондон, где в гостинице мы встретились с сотрудницей «Натива». Она передала нам американские паспорта – по ним невозможно было сказать, что мы как-то связаны с Израилем. Кроме того, она вручила нам несколько предметов культа и всевозможные материалы, которые мы должны были ввезти в СССР, – в том числе и видеомэгнитофон для передачи одному человеку в Москве. Я очень удивился и заметил: «Видеомэгнитофон – не такая маленькая вещь. Как мы ввезем его контра-

бандой в СССР?» Сотрудница кратко ответила: «Что-нибудь придумаете».

Мы прибыли в московский международный аэропорт Шереметьево – темный, угрюмый, неприятный, в чем-то даже пугающий. Встали в длинную очередь на таможенную, зная, что багаж наш просветят рентгеном. Я пытался придумать, что делать с видеомэгнитофоном, и тут вспомнил, как нас инструктировали в Тель-Авиве: изображайте из себя заносчивых американцев – сварливых, нетерпеливых и наглых. Когда пришла моя очередь класть багаж на рентген, я намеренно стал все делать очень медленно – вещи на ленту ставил по одной, дожидаясь, когда предыдущий предмет появится с противоположной стороны, и только тогда ставил следующий. Понятное дело, люди в очереди заворчали и стали возмущаться; таможенник прикрикнул на меня по-русски, чтобы я пошевеливался, а я в ответ рявкнул на него по-английски, укрепив, к собственному сожалению, представление о том, какие бывают «противные америкашки»; все это время я ногой потихоньку подталкивал вперед коробку с видеомэгнитофоном. Таможенник продолжал упоенно орать, чтобы я не валял дурака, он был полностью поглощен своей злобой; в результате все мои вещи оказались на другом конце ленты, видеомэгнитофона таможенник так и не заметил. Я на миг задумался, не сделаться ли мне профессиональным контрабандистом.

В СССР первым пунктом посещения должен был стать

Ленинград. Из международного терминала московского аэропорта нас перевезли во внутренний, оттуда мы полетели в Ленинград. Мы были единственными американцами на внутреннем рейсе, нас посадили на первый ряд кресел. Полет, в ночной темноте, длился около часа, а потом пилот сообщил, что самолет начал снижение и прибывает в Ленинград. Он, как всегда, говорил по-русски, а потом, в честь американских пассажиров, добавил по-английски: «Дамы и господа, просьба держаться за свои места (очень уместно, потому что ремней безопасности не было), потому что мы сейчас *провалимся* в Ленинград». По счастью, управлять самолетом пилот умел лучше, чем говорить по-английски, и мы *приземлились* без всяких приключений.

Спустившись с трапа, мы увидели на полосе черный автомобиль, а перед ним – двух сурового вида мужчин в черных костюмах. Мужчины в черных костюмах выкрикнули наши имена: «Гольдман, Файнберг» и жестом пригласили нас сесть в машину. Мы решили, что «Интурист» заказал нам трансфер, залезли в машину, сели на заднее сиденье. К нашему удивлению, машина в терминале не остановилась. У нас не попросили документов, из аэропорта машина вырулила на темное шоссе. Через некоторое время мы попытались спросить у водителя и сидевшего с ним рядом: «Кто вы такие? Куда нас везете?» Но общего языка мы не знали, поэтому и ответа не получили. Я сказал Шаулю: «Все, мы пропали. Теперь – тюрьма, Сибирь, каторга». Наконец один из муж-

чин произнес: «Москва». «Какая Москва? Мы только что оттуда прилетели! Мы хотим в Ленинград!» В итоге выяснилось, что мужчины в костюмах – действительно из «Интуриста», они просто отвезли нас в ленинградскую гостиницу «Москва». Ура!

За две недели в Ленинграде, Минске и Москве мы успели пообщаться со множеством евреев – отказников и других диссидентов – и многому их научить.

В итоге нам с Шаулем удалось передать контрабандный видеомagneтофон Ури Соколу из Москвы. Сокол был высокопоставленным офицером Советской армии, и за тридцатипятилетнюю безупречную службу получил звание Героя Советского Союза. Он оказался культурным образованным человеком, свободно говорил по-английски и делился с заграничными гостями своими представлениями о мировоззрении советских евреев. Родился он в Харькове и раньше считал себя украинцем, хотя родители его были евреями и многие члены их семьи погибли в Бабьем Яре, где фашисты уничтожили десятки тысяч евреев. Сам он пять раз был ранен за время Второй мировой войны. Собственным еврейским происхождением заинтересовался, прочитав книгу Леона Уриса «Исход», которую ему дал сын. После этого он прочитал «Источник» Джеймса Миченера – и начал задаваться простыми вопросами, связанными с еврейской историей: почему в ходе войны было убито шесть миллионов евреев? В чем суть сионизма? Сокол утверждал, что большинство ев-

реев в СССР скрывают свое еврейство – боятся властей. На протяжении трех поколений советские евреи были оторваны от своего языка, истории, традиций и культуры. «Теперь мы должны хоть как-то помочь другим евреям стать евреями», – говорил он гостям. Сокол начал коллекционировать еврейские книги, и собрание его вскоре превратилось в музей на дому. В этом музее он организовал кружок, на что власти дали свое неофициальное согласие, видимо, потому что не могли отказать человеку с таким героическим прошлым. Ури Сокол был очень признателен за видеомэгнитофон, проделавший столь дальний путь – правда, чтобы им пользоваться, нужно было еще купить телевизор.

В Минске нам удалось выйти на организованную группу евреев-интеллигентов, о которой в «Нативе» пока не знали. Во главе ее стояли Саша и Ольга Рейхманы; члены группы, 50–60 представителей местной интеллигенции, работали над тем, чтобы публиковать и распространять материалы о евреях и Израиле. У них была подпольная типография, они печатали ежемесячный бюллетень, копировали недоступные и запрещенные тексты. Наш доклад о существовании этой группы вызвал сильное воодушевление в Израиле.

Теперь советские евреи стали для меня не просто дальними родственниками, живущими в угнетении и нуждающимися в помощи. Мне довелось съездить туда, выпить с ними по чашке чая, вместе прочитать по странице из Торы, обсудить древнюю историю – все это изменило наши взаимоотно-

ношения. Советские евреи перестали быть для меня аморфной группой; теперь это были знакомые лица и имена. «Let my people go!» теперь звучало как призыв ко мне лично.

2. «Гилель»

Еврейский университет

Через несколько месяцев после алии в Израиль (мы совершили ее летом 1985 года) я ответил на объявление в «Джерусалим пост»: в Еврейском университете освободилась вакансия директора «Гилеля», требовался новый сотрудник. Конкурс был большой: подали более 120 заявлений, но мне повезло – выбрали меня. Пост директора я занял в августе 1986 года. Первый год работы в «Гилеле» я посвятил возрождению программы, которая постепенно сходила на нет с тех пор, как рабби Джек Коэн, всеми уважаемый и почитаемый директор, отработавший на этом посту более 25 лет, ушел на пенсию. Следующие три года его преемник был больше озабочен благоустройством здания, чем обеспечением качественного просвещения студентов. Заметив, что в здании «Гилеля» почти не осталось ни просвещения, ни студентов, администрация Еврейского университета предложила свернуть деятельность «Гилеля» в кампусе, назвав его «белым слоном», которого следует утилизировать, а его помещения использовать в лучших целях. Соответственно, выбор светскими и религиозными представителями «Бнай-брит Гилель» и университета стал последней попыткой воз-

рождения: после этого «Гилелю» предстояло почтить в мире. По счастью, нам быстро удалось доказать всем заинтересованным лицам, как «Гилель» важен и нужен для студентов, преподавателей и университета – вопрос о закрытии был снят с повестки дня.

В начале 1990-х годов в нашем центре «Гилель» в Еврейском университете оказалось много студентов-иммигрантов из бывшего СССР. Меня задевали за живое и воодушевляли истории их жизни. Я часто задавал им вопрос: «Что я могу сделать, как нам помочь тем, кто приехал в Израиль, и тем, кто решил остаться в бывшем Советском Союзе?»

В 1991 году мы получили частичный ответ на этот вопрос, когда иерусалимский «Гилель» был слит с «Минха-студентам», одним из департаментов израильского Министерства абсорбции: перед нами стояла задача облегчить социальную, культурную и эмоциональную интеграцию более чем тысячи недавно прибывших в страну иммигрантов – студентов Еврейского университета. Команда советников из «Гилеля» стала оказывать иммигрантам помощь – эта работа продолжается и по сей день. Двумя годами ранее, в 1989-м, мы создали оркестр «Гилель», которым руководила Анита Камьян. Оркестр разросся до шестидесяти человек, в большинстве своем – новых иммигрантов. Стипендии Фонда Ротшильда и других организаций позволяли нам предлагать финансовую помощь в форме стипендий сотням прибывших в страну музыкантов.

Зеленый свет

Мы все активнее оказывали помощь студентам-иммигрантам, но на душе у меня было беспокойно – мне хотелось что-то сделать и для тех евреев, которые решили остаться в бывшем СССР. Я проявил настойчивость и в сентябре 1993 года организовал в Нью-Йорке встречу с Ричардом Джоелем, директором «Гилеля» по международным программам.

Начиная с 1988 года я каждый год летал в Нью-Йорк, чтобы на Рош-ха-Шану и Йом-Кипур проводить службы в маленькой консервативной синагоге в центре города. В Конгрегацию Бэтте-ри-Парк входят евреи, которые так или иначе связаны с финансовым районом Уолл-стрит, а также те, кто живет поблизости. Мне всегда нравилось прилетать в Нью-Йорк за несколько дней до праздников, чтобы повидаться с сестрой Рейчел и ее мужем Лью, пообщаться с их детьми Бет и Биллом, с внуками. Между Рош-ха-Шаной и Йом-Кипуром я часто летал в Лос-Анджелес, где посещал своих (ныне покойных) родителей Эдмунда и Белу Гольдман, своего брата Энди с семьей. Но на сей раз я остался в Нью-Йорке, чтобы встретиться с Ричардом и получить его благословение на разработку студенческих программ «Гилеля» в бывшем СССР. Ричард был очень занят восстановлением деятельности «Гилеля» в США – организация находилась на грани финансового краха и исчезновения. Усилия его увенчались го-

ловокружительным успехом: североамериканская еврейская община единодушно поддержала «Гилель». Однако в ходе нашей встречи в сентябре он, естественным и законным образом, был озабочен тем, что моя работа в бывшем СССР дополнительно истощит и без того скудные финансовые ресурсы международного «Гилеля». Я пообещал Ричарду, что к осуществлению планов «Гилеля» в бывшем СССР перейду только после того, как найду для этого стороннее финансирование.

Все годы создания «Гилеля» в бывшем СССР Ричард неизменно оказывал нам помощь и поддержку. Я очень ценил его советы и указания.

В Иерусалим я вернулся из США после Йом-Кипура, и мне сообщили, что звонил мой друг и коллега рабби Джонатан Порат, хотел со мной поговорить. Мы с Поратом когда-то вместе учились в Американской теологической семинарии. Евреями в СССР он заинтересовался еще в школе, сохранил интерес и в Университете Брандеиса, где изучал русский язык и историю. СССР Порат впервые посетил в 1965 году, начиная с 1969-го работал руководителем групп в USY (United Synagogue Youth – Объединенная верующая молодежь, организация, аффилированная с консервативным движением) – они возили подростков в паломничества по странам Восточной Европы, в том числе и в СССР. В 1973 году он опубликовал книгу под названием «Евреи в России: последние четыре столетия». Это был первый учебник по исто-

рии российского еврейства для старшей школы и образовательных программ для взрослых. В «Третьем еврейском каталоге» была опубликована его статья под названием «Спасти советских евреев». У нас с Поратом нашлось много общих интересов, оба мы провели по 13 лет за кафедрой раввина, прежде чем совершить алию. Порат теперь работал в иерусалимском отделении «Джойнта». Он был сотрудником отделения «Джойнта», отвечавшего за Советский Союз (SUT), в круг его обязанностей входили учебные и студенческие программы в бывшем СССР.

Мы встретились по ходу *хол ха-моэд суккот* и выяснили, что, каждый своим путем, пришли к одной и той же мысли: «Гилель» должен вести работу в бывшем СССР. Порат отметил, что, возможно, «Джойнт» заинтересуется этим проектом, и представил меня Ашеру Острину, директору программ «Джойнта» в СССР. Я вскоре выяснил, что Острин – подлинный визионер и отличный администратор. Под его руководством «Джойнт» проложил важные пути в бывший СССР и многое сделал для обеспечения жизни и благополучия тамошних евреев. После встречи с Острином было решено, что мы с Поратом посетим в декабре Москву и Санкт-Петербург, изучим и усовершенствуем студенческие программы в их общинах.

Творя историю

Мы не стали откладывать: 26 декабря 1993 года мы с Джонатаном отправились в Петербург и Москву. Нас ждало сильнейшее переживание, память о котором я сохраню на всю жизнь. По ходу визита в Россию я постоянно чувствовал рядом незримую тень истории. Никогда еще мне не доводилось такого испытывать. Служа раввином в Сакраменто, я знакомился и общался с известными людьми, в том числе с президентами Рейганом и Картером. Я принимал участие в работе национальных съездов раввинов Объединенного еврейского призыва и «Израильских облигаций», встречался со многими известными еврейскими лидерами. В Израиле, в качестве директора «Гилеля» в Еврейском университете, я принимал премьер-министров Шамира и Рабина, президента Вейцмана и других видных политических и религиозных деятелей. Но никогда я не чувствовал важности исторического момента с такой силой, как по ходу этой поездки в Россию. Я вспомнил слова, сказанные Теодором Герцлем в швейцарском Базеле: «Сегодня я основал еврейское государство». *Лехавдил элеф гавдалот* (удержимся от сравнений), я далеко не Герцль, однако в России у меня возникло ощущение, что если я добьюсь успеха, то усилия мои могут кардинальным образом изменить будущее евреев в бывшем СССР. Какая колоссальная ответственность и какая великая

привилегия!

Я люблю истории – люблю их и слушать, и рассказывать. Мне очень нравится история про великого и почитаемого реба Зуси, жившего на Украине в XVIII веке. Рассказывают, что реб Зуси лежал на смертном одре в окружении учеников и горько плакал. Удивленным ученикам он пояснил, что расстраивается не потому, что умирает, – он переживает из-за небесного суда. «Меня не станут спрашивать, почему я не стал Моисеем, пророком Исаией или Маймонидом, ибо я ни тот, ни другой и ни третий. Но я боюсь, что меня спросят, почему я не стал ребом Зуси». Люблю я эту историю и поставленный в ней вопрос. Он постоянно звучит у меня в голове и подталкивает к тому, чтобы совершать, создавать, строить. Слова реба Зуси вдохновляют меня, и я надеюсь, что, когда придет мое время покинуть этот мир, я смогу оглянуться на прожитую жизнь и сказать, что совершенствовал и применял свои знания, таланты и способности на благо своей семьи и своего народа.

Один из важных уроков Талмуда, который очень уместно здесь вспомнить, заключается в наличии связи между пророчеством и глупостью. Раввины учат, что после разрушения Иерусалимского храма всякий, кто мнит себя пророком, по сути – глупец. Я, разумеется, не претендую на пророческий дар, однако искренне верю, что человек может, если захочет, заглянуть в собственное будущее. Как? Создав его самостоятельно! Ведь наша личная судьба и судьба нашего народа,

по большому счету, в наших руках; свое будущее мы так или иначе творим сами. Чтобы в этом преуспеть, нужны целеустремленность, талант, упорство, отвага в претворении намеченного в жизнь. Мне виделось, что будущую еврейскую жизнь в бывшем СССР можно представить в воображении и создать заново. Как писал мудрый и прославленный физик Стивен Хокинг, «лидер – тот, кто отваживается шагнуть в неведомое». Вот мы и шагнули.

В начале нашей работы в бывшем СССР у нас не было готового плана. Территория эта казалась неведомым миром, скрытым от глаз железным занавесом. Да, там действовали «Джойнт» и Еврейское агентство, но и они брели на ощупь, выискивая правильный путь. Чтобы преуспеть, нужно было проявить упорство, сосредоточиться на нужных идеях и методом проб и ошибок проверить их на жизнеспособность. Мы с моим партнером Джонатаном Поратом часто напоминали друг другу – особенно когда поднимала свою уродливую голову *эйцер-хара* избыточной самоуверенности – старую поговорку на идише: «Человек планирует, а Бог смеется».

Путь, на который «Гилель» собирался вступить в бывшем СССР, обещал быть нелегким. Я чувствовал, что готов, и мне не терпелось принять вызов. Перед нами открывался новый мир, в бывшем СССР происходили кардинальные перемены. Здесь ощущались открытость и свобода, которых в этой части света не ведали многие десятилетия. Но мы

опасались, что темные силы, ранее правившие этой несчастной страной, по-прежнему таятся за закрытыми дверями, дожидаясь возможности вернуться. Русские тосковали по тем дням, когда Афганистан еще не убил моральный дух самой многочисленной армии в мире, когда Чернобыль еще не ударил по репутации страны, когда гласность и перестройка еще не развалили экономику Союза. Может, темные силы просто отошли в тень, чтобы перегруппироваться и вернуться, преумножив свою мощь? Мы ощущали, что перед нами открылось узкое окно возможностей, но опасались, что оно может закрыться в любой момент. Соответственно, мы решили последовать мудрому совету древних, которые придумали эту фразу, – *festina lente*, то есть «поспешай медленно». Решив сполна использовать окно возможностей, мы поспешили создать центры «Гилеля» по всему бывшему СССР, но делали это размеренно, осмотрительно, взвешенно. Впрочем, я забегаю вперед, рассказывая историю «Гилеля» в бывшем СССР.

По возвращении в Иерусалим я написал доклад для коллег из «Гилеля» и «Джойнта»:

Изменение условий в бывшем Советском Союзе создало беспрецедентные возможности для организации еврейских студенческих программ. У студентов из бывшего СССР множество вопросов и сомнений по поводу их еврейства. Многие хотят вернуться к корням и к своему еврейскому

самосознанию, поскольку большинство было полностью оторвано от всяких связей с еврейством. «Гилель» проводит свои программы более чем в 450 кампусах по всему миру, это уникальная организация, способная с учетом своего профессионального опыта заняться созданием студенческих программ в бывшем СССР. Для тысяч студентов из бывшего СССР «Гилель» может стать связующим звеном с их еврейством, а одновременно и важным подспорьем для всего тамошнего еврейского мира.

Я продолжал:

Наши цели и задачи состоят в том, чтобы создать неформальную позитивную и располагающую еврейскую обстановку для большого числа студентов-евреев, поблизости от университетских кампусов или на их территории, по всему бывшему СССР. Мы предлагаем начать с пилотной программы «Гилеля» в Москве, совместно с московским Еврейским университетом, одновременно запустив программы для студентов и преподавателей в других вузах. Предлагаемый метод – нанять и обучить сотрудников на местах, усилить их деятельность имеющимися у нас профессиональным опытом и навыками по разработке программ и подготовить группу лидеров, талантливых и ответственных, заинтересованных в развитии еврейской жизни. Цель наша состоит в том, чтобы сформировать организацию, где упор будет сделан на ответственность, новации и творческий

подход. Конечная цель этой пилотной программы в России – вовлечь в нашу деятельность студентов, которым небезразлично их еврейство, равно как и тех, кто на данный момент не осознает и не ценит свои еврейские корни и наследие.

Закончил я свой доклад просьбой:

Сегодняшние студенты-евреи по всему бывшему СССР – это завтрашняя еврейская община. То, кто они, как они мыслят, как относятся к своему наследию и к своим связям с другими евреями, способно определить будущую еврейскую жизнь в СССР на многие годы вперед. Мы не можем игнорировать их потребности. Перед нами открылась историческая возможность, и мы действительно можем повлиять на ход событий.

В докладе я попытался кратко описать общины, которые мы посетили, и изложить то, что нам удалось выяснить. Петербургскую общину я назвал разрозненной: ее лидеры тратили большую часть времени и скудных ресурсов на борьбу за последователей и влияние. В ходе визита в единственную синагогу я вспомнил старый анекдот про еврея на необитаемом острове. Он там один, и все же строит две синагоги. В одной он будет молиться, а с другой будет в *бродес* и, соответственно, туда ни ногой. В Петербурге мы столкнулись с русским вариантом этого бородатого анекдота, очень симптоматичного для местной еврейской общины. В единственной синагоге было два раввина с очень разными взглядами. Они

сформировали две отдельные, независимые друг от друга религиозные и образовательные программы, был также президент/менеджер со своими собственными понятиями. Каждый претендовал на здание, и там царил тяжелый дух зависти, враждебности и интриг.

Если и было в Петербурге что-то хорошее, так это Санкт-Петербургский еврейский университет, которым руководил легендарный Илья Дворкин. Трудно было получить точные данные касательно числа студентов, участвовавших в его работе, но было ясно, что речь идет о влиятельном, очень полезном и важном еврейском учебном заведении. Много лет спустя, когда мы предпринимали первые шаги по открытию «Гилеля» в Петербурге, мы пригласили на должность директора одного из преподавателей истории в Еврейском университете – Мишу Левина.

Следующей остановкой стала Москва, и тамошняя еврейская община сильно отличалась от петербургской. Возможно, в связи с тем, что это такой большой, поистине необъятный город, часть местных еврейских лидеров выразила готовность к сотрудничеству и совместной работе. После петербургского опыта их расположенность к нам нас буквально открыла. Здесь тоже функционировал Еврейский университет, он оказывал значительное влияние на жизнь общины.

Московский еврейский университет

Московский еврейский университет основал несколькими годами ранее достопочтенный, всемирно известный рабби Адин Штейнзальц. Университет располагался на верхнем этаже факультета журналистики МГУ. Иерусалимский центр рабби Штейнзальца руководил этим начинанием и финансировал его совместно с «Джойнтом».

С профессором Мишей Гринбергом, президентом Еврейского университета, мы познакомились в его тесном московском кабинете. Миша Гринберг – высокий полный человек с длинной нечесаной бородой, фигура воистину впечатляющая. Мне он показался похож на казака, каким я себе его представлял. Впрочем, в его образе было одно отличие – Миша носил кипу. Нас приняли очень тепло – я вскоре выяснил, что *асканим*, еврейские функционеры, всегда с большой теплотой принимают представителей «Джойнта». Еврейские организации в бывшем СССР неустанно искали способы пополнить свои скудные фонды, а «Джойнт» часто и охотно поддерживал достойные проекты. Гринберг несколько раз ездил в США и даже участвовал в ряде программ «Гилеля». Особенно его поразил «Гилель» в Стэнфордском университете – он даже показал мне свою фотографию рядом с вывеской этой организации.

– Я хочу, чтобы «Гилель» появился в нашем университе-

те, – сказал он, – и буду помогать вам, не жалея сил.

Гринберг с энтузиазмом порекомендовал нам на пост директора московского «Гилеля» Женю Михалеву.

С Женей мы уже познакомились раньше тем же утром в офисе «Джойнта». Арие Гойхман, руководитель московского представительства «Джойнта», представил нам ее, после того как мы попросили порекомендовать кандидатуру на пост руководителя местного «Гилеля». В течение следующих двух дней мы провели с Женей восемь с лишним часов. Нас сильно впечатлили сила ее характера, очевидная любовь к студентам и преданность им. Рекомендация Гринберга только подкрепила наше ощущение, что Женя – подходящий человек.

Первые шаги и ошибки

Доклад о нашей поездке в Россию был подан Ашеру Острину в Иерусалиме и Ричарду Джоелю в Вашингтоне. Мы рекомендовали запустить студенческую программу в Москве, в Петербурге же отложить ее запуск, пока в местной общине не разрешатся некоторые внутренние противоречия.

Изучив наш доклад, Острин сообщил, что «Джойнт» готов профинансировать пилотную программу «Гилеля» в Москве. Он согласился привезти Женю Михалеву в Иерусалим для прохождения интенсивного тренинга в «Гилеле». Порат предложил совместить тренинг и работу Жени в иерусалимском «Гилеле» с программой Бунхера, назначенной на июнь. Эта программа для лидеров еврейских общин спонсируется «Джойнтом» и предназначена для обучения тех, кто будет вести общинную деятельность. Такая модель включения программы Бунхера в подготовку новых сотрудников «Гилеля» в бывшем СССР оказалась очень эффективной и полезной. На следующий год мы так же поступили с Мишей Левиным, который потом стал директором петербургского «Гилеля».

Планируя визит Жени в Иерусалим, мои старшие иерусалимские коллеги из «Гилеля», Йосси Хец-Охана и Эстер Абрамович, а с ними и я, продумали амбициозную и насыщенную программу ее подготовки. Женя оказалась очень внима-

тельной, она готова была учиться, впитывать наши материалы, совершенствовать язык. Меня очень радовали ее отношение к делу и ее энтузиазм.

Программа Бунхера началась сразу после тренинга в «Гилеле» – и тут посыпались сложности и неприятности. Почти сразу до нас дошли слухи, что у Жени возникли серьезные личные конфликты с другими участниками программы. Женья замкнулась, почти перестала разговаривать. Мы изо всех сил пытались дознаться, что произошло, с целью ей помочь. Вскоре выяснилось, что на нее давит администрация Московского еврейского университета (МЕУ). Как оказалось, профессор Миша Гринберг, президент МЕУ, дал своим сотрудникам – участникам программы Бунхера – установку игнорировать и избегать Женю. Они сильно портили ей жизнь всякими сплетнями и инсинуациями. Озадаченный, я потребовал организовать встречу между профессором Гринбергом и иерусалимскими директорами МЕУ

Джонатан Порат пошел вместе со мной на встречу с профессором Гринбергом и деканами МЕУ в их иерусалимском офисе. Встреча оказалась одной из самых тяжелых и мучительных за всю мою жизнь. Гринберг торжественно заявил, что требует уволить Женю, и предложил на ее место другую кандидатуру. Он сказал, что, по его мнению, у Жени нет ни способностей, ни квалификации, чтобы руководить студенческими программами в МЕУ. Гринберг вел себя вызывающе и смотрел на нас сверху вниз. Он дал понять, что реше-

ние его окончательно и он ни при каких обстоятельствах не позволит Жене нормально работать с его студентами.

* * *

После этой встречи я долго пытался понять, что случилось с Гринбергом, который несколькими месяцами раньше так хвалил Женю, считал ее лучшей кандидатурой на должность руководителя «Гилеля» и сам ее нам рекомендовал. В голову мне пришло одно: Гринберг боится потерять часть контроля и власти. Вероятно, ему казалась неприятной и даже пугающей мысль, что Женя как профессионал из «Гилеля» будет вести самостоятельную политику, – и он выражал свои страхи таким вот образом. Тем не менее – хотя мы тогда этого не знали – Гринберг непреднамеренно оказал «Гилелю» величайшую услугу. Его отношение заставило нас задуматься о том, чтобы развивать московский «Гилель» в другом направлении; в результате мы опробовали новую, общинную модель «Гилеля», и она оказалась очень удачной. Кстати, вскоре после этого инцидента Гринберг лишился своего поста в МЕУ, и хотя точно я утверждать не могу, я не удивлюсь, если окажется, что наша встреча стала началом его итогового падения.

Мы с Поратом поняли, что у нас есть два варианта. Первый – подчиниться требованиям Гринберга и уволить Женю, но нам такой план казался немыслимым. Был другой вариант

– сменить направление и развивать «Гилель» как общинный центр для всего московского студенчества. Для «Гилеля» такая модель была новой, раньше не опробованной, так что у нас не было ни данных, ни предыдущего опыта. Тщательно все обдумав и взвесив, мы решили опробовать второй вариант и дали Жене соответствующие указания.

Местные кадры

В июле 1994 года, окончив обучение в Иерусалиме, Женья вернулась в Москву, имея при себе мандат на планирование студенческих программ. То, что именно она стала первым директором «Гилеля» в бывшем СССР, пошло на пользу и самой Жене, активному и хорошо обученному лидеру, и общине, у которой появился местный руководитель, готовый заниматься своим делом постоянно, в отличие от приезжавших на время еврейских представителей из-за границы. Местный лидер лучше понимает нужды своей общины, он больше заинтересован в ее долгосрочном возрождении. Женья как местный лидер могла вдохновлять своих студентов изнутри.

Модель поиска лидеров на местах была на тот момент новым подходом для еврейских организаций, работавших на территории бывшего СССР. До тех пор все международные еврейские организации, включая и «Джойнт», и Еврейское агентство, посылали в бывший СССР *шlichов* (эmissаров), которые работали там определенный период времени. Эмиссары приезжали со своими профессиональными знаниями и, в качестве людей со стороны, оказывали всевозможные услуги местной еврейской общине. «Гилель» пошел собственным путем: мы решили заняться подготовкой местных лидеров, которые будут строить свои общины изнутри. Очень

многие в профессиональных кругах в ответ только пожимали плечами, наш подход вызвал возражения у большинства других работавших на местах организаций. Через несколько месяцев после открытия центра «Гилель» в Москве мне предложили выступить в Иерусалиме перед руководителями отделения Еврейского агентства в бывшем СССР. На этой встрече меня сурово критиковали за то, что я отклоняюсь от традиционной практики отправки за границу *шlichов*. Алла Леви, руководитель проектов Еврейского агентства в бывшем СССР, особенно резко выразила свое неудовольствие, заявив, что модель «Гилеля» не сработает: местные не готовы брать на себя роль лидеров. По ее мнению мы безответственно транжирили еврейские ресурсы. Несколько лет спустя та же Алла призналась мне, что была не права: подготовка лидеров на местах – лучшая модель формирования нового передового контингента в бывшем СССР, и «Гилель» оказался в этом смысле первопроходцем.

Мы планировали, что «Гилель» будет проводить в бывшем СССР культурные, религиозные, образовательные, досуговые и социальные программы для еврейского студенчества. Помимо этого «Гилель» должен был находить и воспитывать еврейских лидеров, работать с теми, кто пока не осознал своего еврейства, способствовать росту еврейского самосознания. Еще одна его задача состояла в том, чтобы мобилизовать студентов из бывшего СССР на борьбу с антисемитизмом, защищать интересы евреев, поддерживать

Израиль. «Гилель» собирался содействовать созданию связей между студентами, их ровесниками, преподавателями и представителями еврейства в более широком смысле. Кроме того, «Гилель» консультировал, поддерживал в кризисной ситуации – делал все, чтобы помочь студентам пережить тогдашние бурные времена стремительных перемен.

Попытки «Гилеля» просвещать студентов из бывшего СССР касательно их еврейского наследия натолкнулись на горы ложной информации касательно евреев, которая копилась и распространялась все семьдесят лет существования СССР – речь идет об антисемитских высказываниях, которые даже после падения коммунизма часто звучали в кругах нееврейского населения. Задача перед нами стояла непростая.

3. Начало

Первое празднование Рош-ха-Шаны

Первым нашим испытанием стали осенние праздники. Как провести эти священные дни должным образом, чтобы они нашли отклик в сердцах студентов, которые – и это в лучшем случае – имеют лишь приблизительное представление о традиционных еврейских ритуалах? На каких элементах праздников сосредоточиться, чтобы достучаться до еврейской молодежи и восстановить ее связь с народом и наследием предков?

После долгих размышлений мы решили принять двоякий подход, который включал в себя однодневный обучающий семинар, а также масштабный публичный «хэппенинг» в связи с праздником.

Обучающий семинар, посвященный осенним праздникам, провели преподаватели иешивы Штайнзальца в Москве, его посетили около двадцати пяти студентов. Первое наше просветительское мероприятие оказалось не слишком успешным. Преподаватели переоценили подготовленность студентов в плане еврейской тематики – им было попросту неинтересно. Студенты по большей части были умные, толковые, но, к сожалению, не слишком сведущие по

еврейской части. Впоследствии, планируя образовательные мероприятия, мы научились подстраиваться под уровень аудитории.

Праздничный «хэппенинг», который мы проводили совместно с реформистским движением, состоялся на следующий вечер после Рош-ха-Шаны, на него собралось около двухсот студентов. Это было первое наше масштабное мероприятие. Проходило оно в помещении Российского автомобильного клуба, где реформисты очень любили устраивать свои встречи. Женя пригласила к участию свою студенческую еврейскую театральную студию, собрала группу студентов, которые исполняли песни на иврите и идише. Рабби Джозел Осерин, руководитель реформистских проектов в бывшем СССР, дул в шофар и объяснял, в чем смысл Рош-ха-Шаны и Йом-Кипура. Вечер завершился по традиции яблоками и медом. Через несколько дней, по возвращении в Иерусалим, Осерин позвонил мне и сказал, что это, без сомнения, было самое значимое еврейское студенческое мероприятие из всех, о каких он слышал и в каких участвовал в Москве.

Уже на этой ранней стадии мы пригласили к сотрудничеству с «Гилелем» реформистское, консервативное и ортодоксальное движения. Мы и в дальнейшем придерживались того же плюралистического подхода и постоянно давали общине понять, что готовы работать со всеми еврейскими организациями, вне зависимости от их политической и рели-

гиозной ориентации.

Свобода под угрозой

Одно из важнейших утверждений во всей раввинистической литературе содержится в пасхальной агаде. Оно напоминает нам: *«Бхор дор ва-дор хайав адам лирот ацмо кеилу ху йаца ми-Мицраим»* («В каждом поколении каждый человек должен считать, что он лично совершил Исход из Египта»). Идея того, чтобы заново пережить прошлое и обрести связь с теми, кто жил до нас, дает ощущение корней, принадлежности, понимания того, что ты – часть чего-то большего, чем твое «я». Именно этими мыслями были пронизаны наши встречи со студентами и лидерами общин в бывшем СССР. Поскольку все мы повязаны памятью о прошлом, то и будущее наше повязано общей судьбой.

Более того, наши раввины и мудрецы единодушно учили нас тому, что «Египет» – это не просто географическое понятие. «Египет», в абстрактном смысле, – это реальность, которая посылает евреям и иудаизму сигнал об опасности. Он символизирует собой порабощение тела, разума и души, отсутствие физической свободы, еврейской духовности и знания. Сегодня на Западе слово «Египет» может описывать ассимиляцию, невежество в области еврейской традиции, угасание еврейского самосознания. Хотя после краха СССР евреи получили личную свободу, в плане своего еврейства они были обеднены за счет отсутствия знаний и

самоощущения. Можно сказать, что сохранение еврейского образа жизни в бывшем СССР находилось в первых строках списка того, что обречено на вымирание. 75 лет коммунистической тирании не прошли даром: еврейская среда в этой нищей стране напоминала пустыню, где не росло ничего еврейского, а то немногое, что еще существовало, стремительно чахло и умирало. В библейской легенде об Исходе говорится, что потребовалось вмешательство Бога, чтобы спасти евреев и иудаизм из «Египта». В бывшем СССР в те годы снова возникла нужда в Его помощи и личном вмешательстве. По счастью, молитвы эти были услышаны, и Он послал нам Шустерманов.

Ламед-вавники

Чарльз и Линн Шустерманы, филантропы из Талсы в штате Оклахома, присоединились к нам в качестве партнеров. Поскольку они всегда заботились о благополучии евреев, они готовы были отдать все запасы своей энергии и материальных средств на благие дела для своих братьев. Чарльз разбогател на разработке нефтяных скважин, он часто бурил «сухие дыры», которые его конкуренты объявляли бесперспективными. Шустерманы воплотили в жизнь американскую мечту: достигнув материального благополучия, они стали ведущими деятелями международной еврейской общины.

СССР они впервые посетили в 1985 году – во время круиза оказались в Ленинграде. Там, по предварительной договоренности, они встретились с несколькими отказниками – евреями, выброшенными советской системой на свалку за то, что они подали заявление на выезд. Шустерманов до глубины души тронула история этих людей. Семья Чарли происходила из черты оседлости в Российской империи, семья Линн жила в США на протяжении шести поколений. Оба они были людьми чрезвычайно великодушными, выживание и процветание еврейского народа были для них личным приоритетом. У Чарльза сложилась собственная философия: необходимо поддерживать некое минимальное число евреев – он называл его «критической массой» – для того чтобы в мире сохранился еврейский народ; если мы допустим исчезновение еврейского населения в СССР, мы лишимся этой критической массы и пострадает весь еврейский мир. «Мы должны бороться за их освобождение от коммунистической тирании и угнетения, а когда они получат свободу – вернуть их в лоно еврейского народа».

После посещения СССР в 1990 году Чарли узнал, что тяжело болен – больше он путешествовать не мог. Когда в 1991 году пал коммунистический режим, Чарли понял, что открылось окно возможностей, но оно может закрыться в любой момент: «Мы должны немедленно протянуть руку помощи евреям в СССР».

В 1993 году в Киеве открылся Международный универ-

ситет Соломона – первый еврейский университет в бывшем СССР. Линн Шустерман была на Украине по другим делам и посетила университет; ее очень воодушевила встреча с молодыми евреями и тронуло их желание изучать собственное наследие. В марте 1994 года, когда, через посредство Ашера Острина, Чарльз и Линн познакомились со мной и с замыслом создания отделений «Гилеля» в бывшем СССР, Линн с жаром заявила Чарльзу: «Вот она, наша возможность. Мы можем многое изменить». Убедить Чарли оказалось несложно – они с женой находились на одной волне. Они внесли очень щедрый финансовый вклад в запуск одной из программ сперва в Москве, а потом и по всему бывшему СССР. Ашер Острин сказал Чарли: «Вы крайне великодушны, еврейский народ благодарит вас. А если у нас ничего не выйдет?» На это Чарли ответил: «Я бурил сухие скважины. Какие-то оказывались пустыми, но в некоторых мы находили нефть». Он считал, что «Гилель» в бывшем СССР, может, и начнется как сухая скважина, но в итоге превратится в богатое еврейское месторождение.

В скором времени «Гилель» произвел на Чарли такое впечатление, что он укрепился в своем намерении способствовать успеху нашего проекта. В 1998 году, когда Чарльз и Линн приехали ко мне домой в Иерусалиме послушать доклады студентов из Северной Америки, которые вернулись с Украины по завершении проекта «Песах», они оба были тронуты до слез эмоциональными рассказами студентов об

этой поездке.

Чарли был неколебимым противником коммунизма и возрождение еврейской жизни в СССР считал важным этапом его искоренения. В возрождении еврейской жизни он видел очередной шаг к свободе для всех россиян.

За те годы, в которые мне выпало счастье общаться и работать с Чарльзом и Линн, меня постоянно согревал и воодушевлял их безграничный «идишкайт». Сравниться с ним могли только их скромность, чуткость и деликатность. После первого знакомства с Линн и Чарли я вспомнил истории про *ламед-вавников*, которые узнал в детстве. Меня эти истории всегда завораживали, я никогда не уставал их читать. Существует еврейская легенда, что каждое достойное поколение благословлено рождением тридцати шести праведников, *ламед-вавников*, которые поддерживают существование нашего мира своим милосердием, любовью и добротой. Благодаря им Бог прощает нам все наши прегрешения и дарует нам еще один шанс на *чуву*. Эти тридцать шесть столь добры и безгрешны, что сами не сознают своего особого статуса. Познакомившись с Чарли и Линн Шустерманами, я понял, что это не легенда, а быль. Эти прекрасные люди – подлинные *ламед-вавники*, хотя сами они этого не знают. Чарли оказался очень прозорливым человеком и был уверен в успехе наших начинаний. В один из его приездов в Израиль я заехал за ним в гостиницу и отвез его в канцелярию Еврейского университета на горе Скопус, чтобы познакомить с сотрудниками

«Гилеля» из бывшего СССР и показать материалы, которые мы подготовили для использования там. Чарльза искренне тронули и впечатлили наши сотрудники и программы, и он сказал мне: «У успеха много отцов, а вот неудача – сирота. Знай, Йосси, – добавил он, – что, если все пройдет успешно, найдутся люди, которые попытаются присвоить себе достижения “Гилеля” в бывшем СССР и свести твою роль к минимуму». К сожалению, он оказался прав!

В декабре 2000 года Чарли скончался после долгой и героической борьбы с раком. После его смерти я дал руководителям отделений «Гилеля» в бывшем СССР поручение повесить его портрет в каждом из наших центров, в знак нашей признательности этому выдающемуся человеку. Линн и по сей день продолжает их священный труд, удвоив усилия по возрождению еврейской жизни в бывшем СССР, Израиле и Северной Америке.

Первые программы

По окончании осенних праздников пришла пора планировать Суккот. Женя организовала трехдневный праздничный выезд для 25 студентов. Они посетили разные еврейские достопримечательности в Москве и ее окрестностях – синагоги, кладбища, другие интересные места. Еще был поход по лесу, строительство сукки, празднование. В один из вечеров Суккота около 150 студентов собралось в Московском еврейском университете – намечались концерт, театральное представление и дискотека, однако минут через пятнадцать после начала программы в здании вспыхнул пожар. Всех эвакуировали, и студенты много часов ждали снаружи – на случай, если понадобится их помощь. На следующий день все пришли делать уборку после пожара. Студенты уже ощущали определенную ответственность за свой новый дом – «Гилель».

Через неделю около 200 студентов набилось в актовый зал Еврейского университета в Москве, где «Гилель» проводил мероприятие, посвященное завершению праздника Симхат-Тора. Йосси Хец, мой иерусалимский координатор израильских студенческих программ, был тогда в Москве и сообщил, что собравшиеся с большим воодушевлением восприняли открытие «Гилеля» и студенты с энтузиазмом посещают его мероприятия. Среди ранних мероприятий «Гиле-

ля» были проведение Онег-Шаббата, создание театральной труппы, а также ансамбля песни и пляски.

«Гилель» предоставлял студентам из бывшего СССР новые возможности, у еврейских студентов появились собственный адрес и собственная площадка, которых не было раньше. Что поначалу привлекало студентов из бывшего СССР в «Гилеле»? По большей части они приходили ради новых встреч, возможности пообщаться, познакомиться с другими евреями. Однако, начав с этого, они часто возвращались для участия в программах с серьезным еврейским образовательным и духовным компонентом.

Аня, студентка-активистка, объясняла в письме к одному журналисту:

«Гилель» – место привлекательное и располагающее, его отличает интеллектуальная открытость, политическая нейтральность, искренняя духовность и разнообразие. Как еврейский студенческий центр «Гилель» работает со все более глубокими потребностями студентов-евреев из бывшего СССР. Он помогает им строить связи с другими евреями, делая акцент на еврейской идентичности и образовании.

В «Гилель» приходили не только евреи; бывали здесь и неевреи, подозревавшие, что в семье от них скрыли их истинное происхождение, – их подозрения впоследствии подтвердились. Некоторые студенты самостоятельно выискивали у себя еврейские корни, поскольку дома даже не знали

или не могли сказать с уверенностью, евреи они или нет. Существовала «подпольная книга», использовавшаяся для генеалогических изысканий, в нее было внесено 20 тысяч еврейских фамилий. Многие молодые люди заглядывали в эту книгу на железнодорожных вокзалах и в других подобных местах, чтобы найти там свои фамилии и выяснить, есть ли у них связи с еврейством. Бывали случаи, когда такие студенты-неофиты впоследствии записывались на один из семинаров в «Гилеле». В итоге некоторые стали его активными членами.

По словам Джонатана Пората, еврейско-студенческая среда в бывшем СССР середины 1990-х годов представляла собой *tabula rasa*. Все казалось новым, захватывающим. В отличие от того, с чем мы не раз сталкивались в западном мире, в России никто не считал, что «Гилель» – это что-то скучное; «Гилель» никого не разочаровывал. Ни у кого из здешних студентов раньше не было неудачной бар- или бат-мицвы, от которой осталось бы неприятное впечатление об иудаизме, потому что у них вообще не было никакой бар- или бат-мицвы: «Присутствует ощущение наивности и открытости; все выглядит новым и замечательным. Их изумляет сама мысль, что еврейская молодежь может заниматься еврейскими делами».

Ноябрь и декабрь 1994 года стали для московского «Гилеля» особенно деятельными – мы продолжали закладывать основы движения. Состоялось две пешеходных экскурсии по

«еврейской Москве», которые провела Ирина Асташкевич. Устраивались встречи со студентами и преподавателями еврейских институтов – обсуждали совместную работу с «Гилелем». Эли Таран из Еврейского агентства провел встречу с примерно 40 студентами Еврейского университета, речь шла о будущем еврейской молодежи в России. На Хануку студенты собрались вместе, пели песни, зажигали свечи, ели *суфганиот* и *латкес*. Разговоры об истории Хануки навели на разговор об ассимиляции в современном мире. Студенты из «Гилеля», которым всегда было интересно послушать про Израиль, посетили Израильский культурный центр, где встретились с членом израильского Кнессета и героем Шестидневной войны Авигдором Кахалани.

В декабре 1994 года Женя участвовала в Конференции для сотрудников «Гилеля» в Нью-Джерси. Впервые перед ними выступила российская коллега. Женя обратилась к примерно 300 участникам, рассказала об особых потребностях студентов-евреев в России и о том, что московский «Гилель» делает с целью удовлетворить эти потребности. И до и после конференции Женя посетила несколько отделений «Гилеля» на восточном побережье США.

Поначалу у московского «Гилеля» не было собственного помещения, вся деятельность осуществлялась из квартиры, в которой Женя проживала вместе с матерью. Ситуация далеко не идеальная, однако, как это бывает в большинстве новых организаций, Женя неплохо справлялась несколько

месяцев, а потом появилось более подходящее помещение. В рамках молодой программы «Гилеля» уже возникло два творческих коллектива: театральная труппа, которая собиралась у Жени на дому, и певческая группа, которой руководила Маша Самойлова – они собирались в Еврейском университете.

Еврейские лагеря

Когда мы начали разрабатывать концепцию деятельности в бывшем СССР, я вспомнил о своих поездках в летние лагеря. Вне всякого сомнения, еврейский лагерь – это один из самых эффективных просветительских инструментов в деле формирования еврейской идентичности, воспитания самоуважения и нравственных качеств. Цель лагерей – в буквальном смысле вытащить молодых людей из повседневности и дать им возможность некоторое время пожить в простой и свободной обстановке. Суть лагерей именно в том, что там вы оторваны от дома. Находясь в безлюдной местности, ты как бы ощущаешь себя в другом мире. Что происходит вовне, тебя почти не касается, а значит, мысли по необходимости сосредотачиваются на внутреннем мире: на самом себе, группе, общине. В еврейских лагерях можно заниматься просвещением, нацеленным на то, чтобы поменять стиль поведения и образ мысли. Подобные программы способны изменить жизнь молодых людей, потому что здесь они погружаются в полностью еврейскую атмосферу. В этом своеобразном мирке ощущение, что ты еврей, становится центральным и естественным, а не маргинальным и навязанным извне; здесь им пропитано все вокруг. Лагерные программы собирают вместе харизматичных евреев, служащих ролевыми моделями, и симпатичных сверстников, с которыми мо-

людые люди могут подружиться, — а вместе получается живая община. Когда правильное и воодушевляющее чувство собственного еврейства передается вам посредством обучения как словом, так и делом, эффект получается невероятный. Люди в такой обстановке полностью открыты к тому, чтобы изменять свою жизнь и систему ценностей.

Я часто проводил летние месяцы в лагерях «Рама» в Калифорнии и в Массачусетсе. Именно опыт пребывания в лагере сильнее, чем какие-либо другие факторы, подтолкнул меня к еврейской общественной работе и укрепил мое еврейское самоощущение. Именно в лагере «Рама» я познакомился со своей ненаглядной женой и лучшим другом Джуди, с которой мы с 1970 года живем счастливой общей жизнью и вырастили четверых замечательных детей: Йонит, Эйяля, Ронена и Ави.

Я был уверен: если мы сможем предложить тот же опыт студентам-евреям из бывшего СССР, он окажется бесценен для формирования нового поколения лидеров. У студентов появятся стремление и мотивация участвовать и в программах «Гилеля», и в еврейской общинной жизни. Я знал, что действовать нужно именно так, но где взять средства на такую программу? Ашер Острин, директор отделения «Джойнта» в СССР, решил проблему, посвятив в этот проект наших *ламедвавников* — Шустерманов. Линн с Чарльзом согласились профинансировать первый зимний семинар для студенческих лидеров «Гилеля», который состоялся в

Домодедово, сонной деревушке примерно в ста километрах от Москвы, – там теперь находится один из четырех международных аэропортов города.

Получив финансирование, мы с Женей потратили несколько месяцев на то, чтобы по телефону и факсу спланировать программу семинара. Я сомневался, что ей хватит опыта справиться с технической стороной задачи. Во-первых, нам нужны были помещения. Кроме того, необходимо было обеспечить кошерное питание и кошерную кухню. Нужны были автобусы, охрана, врач и прочие ключевые сотрудники. Справится ли Женя со всем этим? Я не был в этом уверен и не хотел рисковать. Слишком многое зависело от успеха этого начинания.

Поскольку я еще не полностью доверял Жениному административному опыту, я обратился за помощью в «Мидрешет Иерушалаим». В начале 1990-х годов я в качестве светского волонтера участвовал в Иерусалиме в программе «Шехтер бейт-мидраш». Шехтер – основной образовательный центр консервативного движения в Израиле, он тесно связан с Еврейской теологической семинарией в Нью-Йорке. Он осуществляет много важных образовательных проектов, в том числе и в бывшем СССР через «Мидрешет Иерушалаим». В 1995 году меня избрали председателем правления «Бейт-мидраш». В результате я узнал об их замечательной работе в бывшем СССР, прежде всего с учениками начальных школ и их семьями. У «Мидрешет Иерушалаим»

было уже несколько лет опыта организации успешных семинаров и лагерей в бывшем СССР. Памятуя обо всем этом, я обратился к ним и предложил провести зимний студенческий семинар «Гилеля» совместно. Их вкладом будет технический опыт; кроме того, они смогут пригласить на семинар своих преподавателей. План оказался толковым и полезным для обеих организаций. Именно он обеспечил успех нашего семинара, а «Мидрешет Иерушалаим» получил возможность решить некоторые собственные задачи. Несколько студентов-преподавателей из «Мидрешет» впоследствии стали активными членами «Гилеля», Женя же приобрела ценный опыт. На следующее лето она уже смогла провести десятидневный семинар самостоятельно.

Семинар состоялся в конце января 1995 года в Домодедово. После часовой поездки на поезде из Москвы студенты шагнули на холод, в сильный снегопад. В семинаре участвовало 150 студентов, представителей 50 разных университетов. Большинство – из Москвы, но некоторые приехали из Санкт-Петербурга, Киева, Черновцов. Семинар проходил на огороженной территории, где находилось несколько двухэтажных зданий общежитского типа. В России в домах обычно очень сильно топят, а здесь это чувствовалось в особенности. Здание, где находились кухня, столовая, лекционный зал и клуб, отстояло от спальных корпусов примерно на 300 метров, всем приходилось закутываться и бегать туда-обратно по улице. Стремительный переход от жары в здании к

десятиградусному морозу – верный путь к простуде. Я был очень рад, что мы привезли с собой врача.

Все студенты из других городов очень хотели знать, планирует ли «Гилель» открыть студенческий центр в их общине. Когда я сообщил, что мы действительно собираемся открывать новые центры, студент из Петербурга сказал: «Йосси, вы знаете знаменитые слова Наполеона, обращенные к его генералам: “Нам необходимо завоевать Москву, Петербург и Киев”? Тем самым, полагал Наполеон, будет дан сигнал к окончанию сопротивления и его армия сможет занять всю Европу и Азию». Студент имел в виду, что в дни Наполеона три этих города являлись стратегическими центрами – да так все и осталось. Мы действительно собирались открыть свои отделения в Петербурге и Киеве. В этих городах было особенно значительное еврейское население, и мы надеялись, что «Гилель» поможет местным студентам установить связи с иудаизмом и с другими евреями.

Среди участников семинара был Лев Клугерман. Он приехал из Омска – города в Сибири, где проживало около десяти тысяч евреев. Он рассказывал о еврейской жизни в Омске, просил помощи с созданием отделения «Гилеля» у него в университете. Льва тревожила судьба еврейских студентов из Омска, он рассказал, что большинство его сверстников оторвано от еврейской жизни и еврейского народа. Его призыв о помощи отражал печальную реальность жизни многих еврейских общин, больших и малых, по всему бывшему

СССР. Через несколько месяцев я узнал, что Льву все-таки удалось организовать в Омске студенческую группу, и он назвал ее «Гилель». Программа «Гилеля» в Омске по-прежнему существует и процветает, хотя Лев с семьей через два года совершил алию. Он зашел ко мне в наш иерусалимский офис через несколько месяцев после алии и признался, что участие в семинаре «Гилеля» помогло ему осознать, что ему, еврею, место в Израиле.

Общая тема семинара была такова: «На пути к переменам: осознать прошлое, обеспечить будущее». Каждый из шести дней был посвящен отдельной подтеме, в частности обсуждались вопросы, связанные с повседневной жизнью студентов. Тема понедельника была такая: «Традиция и изменения: исторический опыт евреев»; мы рассматривали исторические события и личности через призму еврейства. Завязалась дискуссия о том, какими путями студенты обретают еврейское самосознание. Во вторник мы говорили о ролевых моделях из Библии и о том, каким лидерским качествам можно научиться у людей вроде Моисея. В среду состоялась экскурсия по историческим местам Москвы и ее окрестностей. В четверг обсуждалось понятие «мир» – внутри себя, в семье, в общине, между евреями и арабами, между евреями и народами мира. Тема была: «*Шалом алену*: ценность мира в еврейской жизни». Тема пятницы – «*Наасех ва-нишма*: роль обрядов и учения в изменении жизни евреев»; мы рассматривали такие еврейские ценности, как изучение То-

ры, святость, честность и сострадание, а также традиции – Шаббат, кашрут, их способность обогатить жизнь еврея.

Александр Синельников провел семинар по еврейской истории, сосредоточившись на периоде от Античности до раннего Средневековья. Страницы еврейской истории он сопоставлял с актуальной современной тематикой. Например, возвращение евреев в Иерусалим из вавилонского плена он сравнил с возвращением российских евреев в Израиль в наши дни. Студентов очень заинтересовал разговор об ассимиляции – как об ассимиляции евреев в народы, среди которых они проживают, так и об ассимиляции и включении иностранных народов в еврейский. Особенный интерес вызвало обсуждение смешанных браков, обращения в иудаизм, определения того, «кто есть еврей», генеалогии по материнской линии, алии, абсорбции в израильское общество.

Шаббат стал новым опытом для многих, едва ли не для всех участников семинара. Тема этого дня звучала так: «Миссия выполнима: преемственность и перемены в еврейской жизни бывшего СССР». Я объяснил, что на Шаббат положено одеваться соответствующим образом, нельзя курить и играть на музыкальных инструментах на публике, нужно собраться с друзьями и родными, изучать Тору, желать друг другу «Шаббат шалом». Участники с энтузиазмом следовали всем этим новым для них правилам.

По ходу Шаббата Джонатан Порат рассказывал студентам о своей работе в СССР, о том, какие тяготы их родителям

и дедам пришлось претерпеть при коммунистической тирании, о кардинальных переменах последних пяти-шести лет. Он сказал: «Я помню ваших родителей в вашем возрасте». В первые свои приезды в СССР, в 1965 и 1968 годах, Порат изумлялся, встретив десятки тысяч молодых людей, которые отчаянно стремились к выражению своего еврейства; они пели «*Иерушалаим шель захав*» («Золотой Иерусалим») по-русски, в открытую пели о том, что никого не боятся, причем даже находясь в двух кварталах от Красной площади. Они каждый вечер слушали запрещенную израильскую радиостанцию «*Кол Израэль ла-голах*». Студенты 1990-х годов очень воодушевились, услышав, что их поиск еврейской идентичности сравнивают с поиском, который вело поколение их родителей.

Еженедельный отрывок из Торы, который читался в тот Шаббат, – «Терумах», где описывается, как в пустыне все евреи участвовали в строительстве Скинии Завета, делая для этого индивидуальные приношения. Было проведено сравнение с евреями из бывшего СССР, которые в наши дни вносят свой вклад в возрождение еврейской жизни в своих общинах.

Мы хотели приучить студентов к обрядам и решили, что будет уместно каждый день завершать занятия короткой службой. Перед едой читалось *хамоци* — благословение хлеба, после еды – *биркат-амазон*, благодарственная молитва. К концу семинара все уже знали эти молитвы. Маша Самой-

лова, руководитель московского хора «Гилеля», разучила с участниками еврейские песни, и за едой они каждый раз пели и танцевали.

Каждый день мы посвящали полтора часа изучению и обсуждению еврейских текстов, привязанных к теме дня. Среди руководителей семинара была команда из четырех психологов. Они ежедневно проводили тренинги по лидерству, коммуникации, взаимоотношениям в группе и способам разрешения конфликтов. Тогдашние молодые люди из бывшего СССР были порождением общества, где приказы и распоряжения сверху считались нормой. Им редко доводилось высказывать собственное мнение. Здесь у них появилась возможность, в формате игры и тренинга, высказывать свои мысли безопасным образом, понимая, что их с уважением слушают другие евреи. Одновременно они осваивали навыки и техники лидерства.

По вечерам устраивались веселые творческие посиделки. Один вечер мы посвятили искусству на еврейские темы – рисовали виды Иерусалима, изготавливали хасидских куколок из раскрашенной глины. В другой вечер студенты брали интервью у руководителей семинара, а потом на основе этих интервью выпустили собственную газету. Также у нас проходили викторина, вечер еврейской песни и танца с последующей дискотекой, шоу талантов. На заключительной вечеринке победителям выдали призы.

Одним из гостей этого семинара стал Ральф Гольдман. Он

всю жизнь оставался еврейским активистом и лидером, а теперь стал душой и сердцем «Джойнта». С 1940-х по 1960-е годы он был помощником Давида Бен-Гуриона в деле основания и построения Государства Израиль. После этого, в 1970-е и 1980-е, работал исполнительным вице-президентом «Джойнта». Ральф познакомился со студентами и руководителями семинара, его очень воодушевило то, что он увидел и испытал. Его поддержка новорожденного «Гилеля» была просто неоценимой, она нас ободрила и придала нам силы продолжать свою усердную работу.

В конце семинара мы собрали всех руководителей на подробный разбор, показали им опросники, заполненные студентами. Нас очень радовало, что и студенты, и руководители называли случившееся «событием, изменившим их жизнь», «еврейским праздником смысла, гордости и радости». Мы хотели услышать конструктивную критику программы, но сотрудники отделались простым: «Все было идеально!» Я-то знаю, что так не бывает, но как будешь спорить с людьми, которые понимают, что наконец-то обрели давно утраченную идентичность и еврейскую гордость? Вернувшись в Иерусалим, мы с Джонатаном осознали, что многое можно улучшить, набросали идеи для следующего семинара. Впереди ждала трудная дорога: как не дать этому энтузиазму угаснуть? Как расти в смысле количества и качества, в ширину и вглубь? Как привлечь еврейскую молодежь к работе и в других формах, кроме семинаров? Ведь эти люди в

буквальном смысле только вчера обнаружили, что они евреи. Как окружить их любовью, уважением к нашим традициям, наследию и народу?

Зачем нужны друзья?

Утром в Шаббат, примерно за месяц до поездки в Москву на семинар, я сидел в своей обычной синагоге в районе Рамот – как всегда, рядом со своим другом Ларри Прайсом. Я поделился с Ларри, профессиональным кинорежиссером и продюсером, своим энтузиазмом по поводу деятельности «Гилеля» в бывшем СССР и нашими планами провести в январе студенческий семинар. Ларри заинтересовался и, не раздумывая, выпалил: «Я бы с удовольствием присоединился к вам в России». Как можно было упустить такую возможность? Я тут же предложил Ларри взять его с собой, в обмен на профессиональные услуги. Мы ударили по рукам, и Ларри провел съемку семинара – в результате получилась короткая, но замечательная видеозапись.

Мы с Ларри полетели из Тель-Авива в Москву, провели в городе несколько дней, завершили подготовку семинара. Однажды мы ночевали в гостинице «Интурист» совсем рядом с Красной площадью. На следующее утро я постучал в дверь Ларри – пригласить его на чашку кофе. Войдя в номер, я с удивлением обнаружил, что к стене приклеена скотчем белая подушка. Не каждый день видишь подушку на стене, а не на кровати, где ей самое место. Оказалось, что ночью Ларри разбудила музыка из радиоприемника. Собственное его радио было выключено, он открыл дверь в коридор

– вдруг охранники в холле слушают радио. Оказалось – нет. Тогда он стал прикладывать ухо к стенам и выяснил, что в соседних номерах тоже не слышно никакой музыки. Потом он заметил вентиляционное отверстие над дверью, забрался на стул послушать, не оттуда ли доносится музыка. К своему удивлению, в вентиляции он обнаружил микрофон, и музыка действительно звучала оттуда. Он не испугался того, что за ним шпионят – он был в комнате один, да и в любом случае не было у него никаких секретов, но музыка мешала ему спать. Тогда он взял скотч, который возил для своего оборудования, и заткнул вентиляцию подушкой, чтобы заглушить звук. Он решил, что в микрофоне что-то сломалось – вместо того чтобы принимать звук из номера, он передавал радиопрограмму. Было это в 1995 году, через четыре с лишним года после падения коммунистического режима, и все же мы постоянно получали такие вот напоминания о дурных прошлых временах.

Создание попечительского совета

Мне хотелось, чтобы новорожденная программа «Гилеля» в Москве пользовалась как можно более широкой поддержкой общины. Одна из наших задач состояла в том, чтобы создать из признанных и пользующихся уважением еврейских лидеров попечительский совет «Гилеля». Я проконсультировался с «Джойнтом» и другими в Израиле, попросил Женю сделать то же самое в Москве. В итоге у нас набралось пятнадцать потенциальных кандидатов. Я дал Жене задание подыскать банкетный зал или ресторан, где мы могли бы заказать кошерный или вегетарианский ужин и провести первое заседание совета. Потенциальным его членам были отправлены факсы с приглашением на первую встречу, Женя дополнительно их всех обзвонила.

Вечером в четверг, 2 февраля 1995 года, мы с Женей приехали из нашего домодедовского лагеря в Москву в сопровождении Ларри Прайса – он должен был вести видеосъемку исторической первой встречи членов будущего совета. Когда мы вошли в ресторан «Якуб», у меня сразу возникло очень неприятное чувство. Было в этом месте нечто сюрреалистическое. Ресторан выглядел пристойно, был украшен «еврейскими» и израильскими плакатами, очень громко играла хасидская музыка. Вид у официантов был не слишком довольный, они нас приветствовали у входа без улыбки. Нас прове-

ли в центр зала, где стоял длинный стол, а на нем – какие-то рыбные блюда на тарелках. Других посетителей в ресторане не оказалось.

Ларри Прайс начал расставлять оборудование, но официанты тут же заявили ему, что съемка в ресторане запрещена. Женя попыталась с ними спорить, но это не помогло, им плевать было, кто мы такие, они потребовали за съемку 150 долларов. Я не собирался платить им ничего и сказал Ларри, чтобы он не обращал внимания и снимал дальше, разве что без использования подсветки.

Прибыли гости, я приветствовал их как членов совета, рассказал про задачи «Гилеля» в Москве. Все говорили об исторической важности нашего начинания и выражали готовность помочь нам в нашей работе. В тот вечер я осознал, что эти прекрасные люди совершенно незнакомы с западным понятием «попечительский совет». Ближайшим для них примером «совета» был какой-нибудь райсовет. Райсовет – это представительный орган коммунистической партии, такая резиновая печать правящей хунты. Я сразу понял: если я хочу, чтобы из этих людей сформировался эффективно работающий совет, придется вложить в это очень много времени и сил. Однако в тогдашних обстоятельствах это не было первоочередным делом, и я решил пока оставить их в резерве. Потребовалось 20 лет, но теперь в России существует замечательный, активный, прекрасно функционирующий попечительский совет «Гилеля».

Мы предполагали, что на этой встрече участники смогут высказаться, задать вопросы, поднять важные темы. В ресторане было пусто, мы были единственными посетителями, но друг друга не слышали. Фоновая хасидская музыка звучала очень громко – говорить было невозможно. Я подошел к стереосистеме, чтобы приглушить звук, но на меня тут же набросился официант – мол, я не имею права это делать. Это их ресторан, их музыка, если нам не нравится – наша проблема. А должен вам сказать, что даже в дурные старые дни в благословенной памяти нью-йоркских забегаловках на Сорок второй улице официанты так не хамили клиентам. Это было что-то невозможное, невероятное. Я даже подумал, что это место – просто прикрытие для чего-то другого под видом ресторана. Как еще объяснить поведение официантов и отсутствие других посетителей в вечернее время? Да и кухней, похоже, пользовались очень мало. Потенциальные члены совета – все они были активными членами московской еврейской общины – в один голос заявили, что никогда раньше не бывали в этом «еврейском ресторане» и не знают никого, кто ходил бы сюда постоянно.

Когда мы возвращались на машине на семинар, Женя долго извинялась. Я пытался ее утешить, смеялся над происшествиями этого вечера. Я сказал: то, что группа таких выдающихся людей пришла на эту встречу, выразила восхищение нашей программой и согласилась ее поддержать, – это признание ее заслуг.

Зимний студенческий семинар прошел с огромным успехом и в последующие месяцы послужил важным основанием для развития деятельности «Гилеля». Женя, окрыленная и воодушевленная этим успехом, продолжала внедрять новые студенческие программы, и все больше российских евреев узнавало о молодом, но чрезвычайно успешном студенческом центре.

Позднее, летом 1995 года, московский «Гилель» переехал из Жениной квартиры в съемный офис в «Мидрешет Иерушалаим», представительство консервативного движения в бывшем СССР, на пятый этаж здания на Новослободской улице. Офис состоял из двух комнат и кухни, стоил этот «дворец» 1200 долларов в месяц. Поначалу «Гилель» платил 800 долларов, а «Мидрешет Иерушалаим» – 400, однако через три месяца «Мидрешет Иерушалаим» закрылся, так что «Гилелю» пришлось платить аренду полностью. Мы приобрели у «Мидрешет Иерушалаим» мебель, холодильник, кухонную и офисную технику. Это было начало, причем чрезвычайно воодушевляющее.

4. Скучать не приходится

Поездки по бывшему СССР

Передвигаться по бывшему СССР было сложно и неудобно. Воздушные перевозки советское правительство организовало так, что лететь всегда приходилось через Москву, куда бы ты ни направлялся. В начале 1990-х годов существовала единственная авиакомпания – «Аэрофлот». Большинство советских самолетов были старыми, с обшарпанными салонами, без ремней безопасности, сверху вместо закрытых полок была сетка. Самолет скрипел, дребезжал, мне часто казалось, что он вот-вот развалится. Хуже того, из системы кондиционирования воздуха, почти всегда текущей, постоянно капала вода, и к месту вы прибывали, промокнув до нитки. Никогда я не произносил *тфилат ха-дерех*, молитвы о благополучном путешествии, с такой искренностью и истовостью, как во время этих перелетов. Ходила мрачная шутка, что у «Аэрофлота» нет программы для постоянных клиентов – по понятным причинам.

У всех, кто в те годы летал «Аэрофлотом», есть свои истории. Поделюсь своими: по ходу одного из перелетов я заметил, что бортпроводники особенно энергично взялись за дело – из кухни доносится звон посуды. В салон проникли при-

ятные запахи. Позвякивали столовые приборы. После этого нагруженные подносы пронесли мимо застывших в ожидании пассажиров и торжественно подали экипажу. Пассажиры раздражились, но так и не покормили.

Во время другого перелета нам подали жестяные баночки с яблочным соком, но открывашку экипажу найти не удалось. И что? Они воспользовались топориком из эвакуационного набора и стали передавать нам слегка ржавые баночки с зазубренными отверстиями сверху.

Однажды, на заснеженной взлетной полосе, сидевший со мной рядом нервный пассажир посмотрел, как бушует ледяной ветер, и спросил у стюардессы, будет ли самолет перед взлетом обработан от обледенения. «Не переживайте, – сказала стюардесса, – мы как разгонимся, лед сам отвалится».

Как-то в Петербурге было минус 25, а из-за пронизывающего ветра казалось, что еще холоднее. Выходя из автобуса, который подвез нас к трапу, я заметил, что на земле стоят несколько человек (и наверняка замерзают), но нас посадили первыми. Я только потом сообразил, что дожидались пассажиры первого и бизнес-класса – им посадку разрешили только после того, как заполнится салон эконом-класса. Вообразите себе – платить за билеты больше, а после этого получить вот такое: никакой вам радости от богатства.

В начале 1990-х годов Россия переживала тяжелейший экономический кризис, начавшийся на деле несколькими десятилетиями раньше. Не хватало основных продуктов пита-

ния и потребительских товаров. С раннего утра жители выстаивались в очереди у продовольственных магазинов в надежде купить хлеб, молоко и другие необходимые продукты. Свежие фрукты и овощи можно было достать только на черном рынке или если у вас была валюта и вы могли ходить в специальные долларовые магазины, предназначенные для привилегированного класса.

В те дни ходил такой анекдот: коммуниста из Красноярска за многолетнее служение партии премировали дорогой поездкой в Москву. Жена, понимая, что сама никогда не сможет позволить себе такой роскоши, попросила мужа записывать в дневник все, что он увидит. Куда бы он ни пошел, он отмечал отсутствие основных продуктов и честно все это записывал: «Нет молока, мяса, мыла, обуви и пр.». Это продолжалось три дня, а на четвертый к нему подошел незнакомец и представился офицером КГБ. «Вы шпион, – объявил ему офицер КГБ, – я давно слежу, как вы ходите по нашим магазинам и что-то записываете. Считайте, что вам повезло: пять лет назад за такое государственное преступление вас бы арестовали и расстреляли». Гость из Красноярска честно записал в дневнике: «Нет патронов».

Был и другой популярный анекдот – про человека, который долго копил деньги, чтобы купить машину российского производства. В очередь он встал 4 апреля, и ему сказали, что за машиной он может прийти через пять лет, 18 апреля, в 11 утра. Сверившись с записной книжкой, покупатель по-

просил перенести ему время на более позднее в тот же день, ближе к трем часам, потому что на 11 он вызвал водопроводчика.

И слушатели, и рассказчики покатывались со смеху, однако в истории этой была не одна крупица правды.

Традиции

В период становления московского отделения «Гилеля» я научился ценить давние русские культурные традиции – кто-то, возможно, назвал бы их суевериями. На входе в московский «Гилель» всегда стояла батарея домашних туфель. В России при входе в помещение всегда снимают уличную обувь. В доме ходят исключительно в домашней. Даже если вы пришли в гости, вам положено разуться в прихожей. Как правило, русские держат в доме лишние пары домашней обуви для гостей. Если на всех гостей обуви не хватило, можно ходить в носках. Помещения «Гилеля» в Москве были не просто студенческим центром, но домом. Российские студенты зачастую ютились в тесных квартирках вместе с родителями, бабушками, дедушками и другой родней, а в «Гилеле» хватало места, чтобы пообщаться со сверстниками в домашней обстановке. Тапочки на входе в «Гилель» свидетельствовали о гостеприимстве, о том, что это место открытое и дружелюбное. Студенты усматривали в этих тапочках нечто очень уютное.

После того как «Гилель» проработал в Москве год, мы задали студентам вопрос: «Что вас привлекает в “Гилеле”?» Студенты ответили, что «Гилель» – это «островок покоя» в море стресса, из которого состоит их повседневная жизнь. Один студент сказал Жене, что мать его только что уволи-

ли с фабрики, где она проработала 25 лет, и теперь семье не на что будет жить. «Гилель» был для таких студентов вторым домом, уютным местом, куда можно прийти, заняться интересным делом, укрыться от повседневных проблем, пообщаться со сверстниками.

Кошки для россиян – не просто домашние животные. Они члены семьи, с ними в дом входит чувство изобилия, радости, покоя. Переезжая в новое жилище, люди, как правило, первым впускают туда кота «на удачу», а потом уже входят сами. Считается, что, увидев черного кота, нужно дотронуться до пуговицы, чтобы отпугнуть злых духов. В первое свое посещение Москвы в 1988 году я был в доме у отказников и был поражен (даже шокирован), когда хозяйка позволила кошке ходить по обеденному столу и совать морду в тарелки. Я в тот вечер не смог ничего есть и отговорился тем, что у меня болит живот. В России коты – как коровы в Индии, их почитают и оказывают им уважение. Неудивительно, что на логотип московского «Гилеля» мы поместили кошку.

В середине 1990-х годов в еврейских общинах бывшего СССР происходили стремительные перемены. Многие евреи решили покинуть страну и обосноваться в Израиле, США и Германии. Это отразилось и на «Гилеле»: студенты приходили к нам, чтобы почувствовать себя евреями, а потом уезжали из бывшего СССР. Когда одного из студентов из «Гилеля» спросили, как он относится к этому потоку уезжающих, он привел очень интересное сравнение между Галилейским мо-

рем (*ям-Киннерет*) и Мертвым (*ям-ха-Мелак*). «В Киннерет впадает множество рек, и множество из него вытекает, это море свежее, чистое, оно дает Израилю воду. А вот в Мертвое море втекает много рек, но из него ни одной не вытекает – и там нет жизни». Таким ему виделся «Гилель», свежим и живым, как и Киннерет, – потому что потоки в него и втекали, и вытекали из него.

5. Держись, Наполеон!

Киев

Студент, процитировавший слова Наполеона о том, что ключ к завоеванию Европы лежит в трех городах – Москве, Петербурге и Киеве, – точно предугадал первый этап экспансии «Гилеля» в бывшем СССР. К концу 1995 года настало время открыть отделение «Гилеля» и в Киеве, помимо Москвы и Петербурга.

Еврейской общине Киева более тысячи лет, она перенесла много страданий, в том числе татаро-монгольское завоевание 1200-х годов, казацкие бунты 1600-х, декрет Николая I о выселении евреев из больших городов в начале 1800-х, погромы конца 1800-х и начала 1900-х, ужасы нацистской оккупации. В 1941 году более 100 тысяч евреев были убиты и закопаны в землю эсэсовцами и местными коллаборационистами в Бабьем Яре под Киевом. В советские времена украинское общество было отравлено антисемитизмом, что привело к исходу евреев с Украины сразу после того, как стала возможна эмиграция. Однако в 1991 году Украина объявила себя независимой, была возвращена свобода вероисповедания, и еврейская община начала восстанавливаться.

Итак, мы сосредоточили свои усилия на Киеве, где проживала третья по численности еврейская община в бывшем СССР после Москвы и Петербурга; я посетил город после Песаха в 1995 году.

Меир Зизов, обаятельный и энергичный местный представитель «Джойнта», принял меня в Киеве и показал мне город. Мы посетили верховного раввина Якова Блейха, руководителей Еврейского агентства и «Натива», директоров всех местных еврейских организаций. Выяснилось, что в Киеве уже функционирует как минимум пять молодежных организаций: клуб «Макор», который спонсирует рабби Блейх, молодежная группа Еврейского агентства, программа «Натива», спортивный клуб «Маккаби» и клуб «Авив», спонсируемый Международным университетом Соломона. Наши собеседники считали, что еще одна молодежная организация Киеву совершенно ни к чему.

Клуб «Авив» показался мне наиболее организованным. Руководил им Йосеф (Осик) Аксельруд, серьезный молодой специалист, сумевший завоевать любовь и уважение других членов клуба. При этом «Авив» напоминал мне университетский студенческий клуб: жесткие правила и процедуры приема, упор на социальные программы.

В начале 1995 года в Международный центр «Гилеля»

в Вашингтоне пришло письмо от Аркадия Монастырского, который назвался общинным лидером из Киева и просил рассмотреть вопрос об открытии студенческой программы «Гилеля» в его общине. Письмо переправили мне в Израиль, я на него ответил, выразив надежду, что рано или поздно в Киеве появится отделение «Гилеля». Когда мы с Аркадием встретились весной 1996 года, он напомнил мне о своем письме и предложил всестороннюю помощь и содействие в этом начинании. Монастырский стал ключевым еврейским лидером в Киеве, человеком, которого стремились сделать своим представителем очень многие западные еврейские организации. Он с гордостью перечислил все организации, которые на тот момент представлял или в которых председательствовал. Я про себя подумал, не является ли он одновременно и президентом, и всеми наличными членами.

Меня заинтриговала фамилия Аркадия – Монастырский, я спросил о ее происхождении. Он ответил, что изначально фамилия их была Коган, поскольку они ведут происхождение от клана жрецов Израиля. Несколькими поколениями раньше они сменили фамилию на «Монастырские», чтобы защититься от антисемитизма; этим рассказом он намекал на то, что предки его были видными религиозными деятелями.

Эта история напомнила мне случай в Нью-Йорке с шофером моей сестры Рейчел, Октавио. Октавио эмигрировал из Португалии. В каждый мой приезд в Нью-Йорк он за ру-

лем делился историями о своей юности и семье. Я рассказал ему о пребывании евреев в Испании и Португалии, о том, что это был золотой век нашего народа, о том, как всё трагически завершилось в 1492 году изгнанием евреев с Иберийского полуострова. Я сказал Октавио, что некоторые евреи стали марранами: они вынуждены были креститься, но втайне продолжали придерживаться еврейской веры. Однажды, вернувшись из поездки в Португалию к родным, Октавио удивил меня, поведав, что провел исследование и отыскал у своей семьи еврейские корни. Его фамилия по-португальски означает «груша», а евреи из этой части страны, принимая христианство, брали в качестве фамилии названия фруктов, тем самым подавая другим тайным иудеям сигнал о своей идентичности. В фамилии Аркадия Монастырского в очередной раз повторился стандартный эпизод из еврейской истории.

Единственными киевлянами, заинтересованными в открытии в городе отделения «Гилеля», оказались Аркадий и Мейр Зизов. Профессор Александр Розенфельд, ректор и основатель Международного университета Соломона в Киеве, по ходу моего к нему визита проявил редкостную галантность, однако без обиняков предложил мне пойти с моим «Гилелем» куда подальше. Осик Аксельруд, директор студенческого клуба «Авив», предложил мне встретиться с его руководителями. Они вели себя любезно, однако решительно заявляли, что вполне довольны существующим клубом и

не хотят никаких перемен.

Я уже готов был собрать вещи и с пустыми руками отправиться восвояси, вот только по ходу разговоров с другими студентами и с руководителями общины мне стало ясно, что без «Гилеля» здесь никак. Я осознал, что заручиться поддержкой общины смогу лишь в том случае, если так или иначе сумею убедить студентов из «Авива», что «Гилель» им нужен. Но как это сделать? Чтобы найти ответ на этот вопрос, потребовалось еще раз прилететь в Киев через Москву.

В октябре 1995 года я провел три замечательных дня со студентами из московского «Гилеля». То, что еще год назад казалось невозможным, претворялось в Москве в реальность: с помощью «Гилеля» разрозненное еврейское студенческое сообщество превращалось в единую, деятельную, гордую собой общину. Следующей остановкой стал Киев. В самолете я сообразил, что могу показать киевским студентам московский «Гилель» — тогда они наверняка захотят, чтобы «Гилель» был и в Киеве. Я сказал Осику и его товарищам, что готов полностью оплатить перелет, проживание и питание семи активистам «Авива», отвезти их на четыре дня в Москву, дать возможность пообщаться со студентами из «Гилеля». От такого предложения они не смогли отказаться. Для украинцев провести четыре дня в Москве — все равно что для израильтян съездить в Диснейленд, а тут еще и совершенно бесплатно! Успех моего плана превзошел самые смелые ожидания. Вернувшись из Москвы, эти семеро сту-

дентов не успокоились, пока не убедили всех – студентов, Осика, профессора Розенфельда и прочих, что «Гилель» им необходим. Путь был свободен. Держись, Наполеон!

27 ноября 1995 года я объявил об открытии в Киеве отделения «Гилеля» под руководством Йосефа Аксельруда. Местные еврейские лидеры выразили свою полную поддержку и с нетерпением ждали начала деятельности «Гилеля» в их городе.

Я принял Осика в семью «Гилеля» и возложил на него задачу «обеспечить в Киеве выживание евреев как евреев через наполнение их жизнью *идишкайтом*». В письме к Осика я указал, что мир «Гилеля» в бывшем СССР зиждется на трех столпах: еврейский народ, еврейские традиции и культура, еврейское государство. Киев был родиной мечтателей, героев, строителей еврейского государства. Здесь или поблизости родились и жили многие из тех, кто оставил важный и незабываемый след в истории нашего народа и в возрождении Государства Израиль, в том числе Голда Меир и Шолом-Алейхем. Нам нужно было придумать, как склонить умы и души здешней молодежи к бережному, уважительному отношению к земле и народу Израиля.

Первым заданием Осика стал поиск в Киеве физического дома для «Гилеля». Он начал присматривать квартиру – нашлась подходящая, с комнатой под кабинет и второй под общие встречи. Располагалась она неподалеку от метро, но далеко от соседей, которых могли бы побеспокоить шумные

студенческие мероприятия. Официальное открытие состоялось в феврале и приняло общегородские масштабы: были приглашены члены правительства и лидеры еврейской общины. По Киеву были распространены рекламные листовки, в которых описывались цели и деятельность «Гилеля».

Превращение «Авива» в «Гилель» заняло некоторое время: старые привычки не изменишь в одночасье. Закрытому клубу «Авив» пришлось учиться открывать свои двери для всех. Осик оказался одним из самых творчески одаренных, мудрых, деятельных и трудолюбивых профессионалов, с которыми мне выпало счастье работать. Со временем он стал мне как кровный брат – это человек выдающейся внутренней целостности и талантливый лидер, к которому я отношусь с бесконечным доверием и в котором не сомневаюсь. Для студентов Осик – своего рода Гамельнский дудочник, заботливый опекун, предмет восхищения и любви. Под его руководством киевский «Гилель» креп и мужал, сделавшись флагманом еврейского ренессанса на Украине. Киевское отделение, как и московское, стало испытательной площадкой для новаторских инициатив, впоследствии распространившихся по всему бывшему СССР. Школа *мадрихов*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.